

**Сургутское городское литературное объединение
«Северный огонек»**

**Дивный свет прошедших лет
(Стихи и проза)**

Шадринск
2008

Литературное объединение «Северный огонёк» выражает
благодарность профкому треста Мостострой-11 за помощь в
издании этой книги

Литературное объединение «Северный огонёк», отметившее в
2007 году свой 40-летний юбилей, давшее Сургуту 9 членов
Союза писателей России и 5 членов Союза российских писателей
знакомит читателя с лучшими из своих произведений.

Предисловие

Я впервые попал на встречу с членами сургутского литературного объединения «Северный огонек» в конце семидесятых. ЛИТО работало при газете «К победе коммунизма» под руководством журналиста Аллы Федоровны Походенко (Ярошко). Именно она любезно пригласила меня на заседание, ответив на письмо в редакцию, в котором я прислал несколько стихотворных строк:

*А в сентябре в Сургуте — неплохие вечера,
Хотя уже не летняя пора...
И солнце на закате, как янтарная гора —
Огромная янтарная гора.*

Заседания «Северного огонька» проводились один-два раза в месяц. Встречались мы в одноэтажном деревянном здании на улице Просвещения, в теплой комнате, где обычно работали сотрудники газеты. В этой комнате были прочитаны мои первые сургутские стихи.

Это случилось на шестом месяце северной жизни, когда я уже устроился на работу в автобазу №5 и приступил к должности инженера по технике безопасности.

Алла Федоровна познакомила меня с невысоким, круглолобым Никоном Сочихиным, черноглазым и черноволосым Игорем Кирилловым — бойким пареньком в сером костюме, Рафаэлем Асриянцем — красавцем-армянином с пышной кудрявой шевелюрой, Александром Павловым — который иногда просил называть себя Шуриком, и в самом деле очень был похож на знаменитого Шурика из «Операции «Ы». Позже в «Северном Огоньке» появился краснолицый, бравый речной капитан Василий Харитонов, затем Петр Суханов —

басовитый, солидный, с мужицкой хитрецой в карих посверкивающих глазах.

Часто появлялись на заседаниях тогдашние старожилы — Лапин и Васильев, которые по возрасту были гораздо старше нас и посматривали на новичков чуть свысока как многоопытные, знающие себе цену писатели. В разговорах упоминали фамилию Шамсутдинова, который тогда учился в Литературном институте имени Горького и время от времени присыпал свои стихи для публикации в газете.

Впоследствии состав членов «Северного огонька» менялся, приходили новые люди. Устав никого не обязывал посещать занятия со строгой регулярностью. Порой получалось так, что новообращенные «ЛИТОвцы» подолгу не виделись с представителями прежнего поколения и, скоро сдружившись, встречали «старичков» отчужденно.

Следующим поколением были ленинградцы Людмила и Сергей Берсеневы, работавшие в аэропорту, журналист Светлана Розенштром, инструктор горкома партии Нина Заболотнева, Еще позже появились милиционер Дмитрий Сергеев, диспетчер Вячеслав Шляхов, служащие Тамара Котова и Ольга Голимбиевская, грузчик Николай Шакура.

Так случилось, что с появлением в «Северном огоньке» у меня совпало одно важное наблюдение. Раньше мне казалось, что хорошие стихи публикуются в местных газетах крайне редко, что редакторы допускают к печати настолько несовершенные поделки, что их и стихами-то назвать нельзя. Но, пообщавшись с авторами потеснее, понял, что абсолютное большинство стихотворений, если все сто процентов, продиктованы искренним желанием поделиться с читателем каким-то душевным чувством, рассказать о чем-то заветном или наболевшем и этим, то есть своим замыслом, они ничуть не ниже признанных в мировой литературе

шедевров поэтического искусства. Стоит понять этот замысел, вылущить его из сочетания порой неумело используемых поэтических средств, как становится ясно, что вся беда в недостаточном писательском мастерстве. Мастерству же часто неоткуда взяться. Для того чтобы оно появилось, нужно учиться у мастеров уже сложившихся. В школе таких могло и не быть. Филологическое образование, которое мне довелось получить в Башкирском госуниверситете, давало мне возможность анализировать писательские тексты, но «слагать стихи», по выражению некоторых, в обычных вузах не учат.

Итак, наблюдение привело к выводу, что мои товарищи нуждаются в литературной учёбе, так же как и я сам, несмотря на всю начитанность и романтичность восприятия действительности.

На это, собственно говоря, всегда ориентировала своих членов деятельность литературного объединения. Об этом говорила Алла Федоровна. Об этом говорили на областных семинарах молодых литераторов Тюменской писательской организации, которые проходили то в Ханты-Мансийске, то в Тюмени, куда начинающих поэтов и прозаиков, не забывали приглашать ежегодно. Обычно писательская организация посыпала официальное письмо на имя директора предприятия, где работал кто-нибудь из «огоньковцев» с просьбой отправить его в командировку, расходы по которой оплачивал областной комитет комсомола.

Газета «К победе коммунизма» несколько раз в год выпускала литературную страницу с нашими «опусками». Частенько нас приглашали в трудовые коллективы, школы, общежития города, где мы читали свои произведения. Сургут в конце семидесятых состоял из нескольких застроек, архитектурно никак не связанных друг с другом. Между микрорайонами «НГДУ», «Строителей», «ГРЭС» и «Геологов» толпились чахлые сосновые рощицы, пролегали болотца, вперемешку с

разномастными одноэтажными строениями: коттеджами, вагончиками и балками. Но городское строительство с каждым годом набирало все большие и большие темпы, дойдя на моей памяти до такого уровня, что весь город был уставлен подъемными кранами. Съездив на месяц в отпуск, можно было с удивлением увидеть: на месте бывших котлованов возник целый квартал новостроек.

С удовольствием слушали нефтяники и строители восторженные стихи помбура Сочихина о багульнике и глухаре, о студенчестве, о работе на буровой, внимали рокочущим в строках шофера Суханова «магистралям и трассам, карьерам и трубопроводам», задумывались над кирилловскими «лопатистыми кедрами», над портретом Владимира Маяковского, который пытался оживить перед нами Рафик Асриянц, над моим солнцем, которое на закате «смялось и село» так загадочно и тревожно. В домашнем кругу любил выступать Саша Павлов с его «воробьями, клюющими осколки разбитого зеркала», в которых, по-видимому, отражалась Весна, с другими таинственными, порой чрезвычайно непонятными стихами.

На первом же семинаре маститыми литераторами был отмечен один Пётр. Ему дали рекомендацию в Литературный институт, который он и закончил впоследствии заочно. Сухановские «трубопроводы и трассы» в среде литобъединения вместе с одобрением вызывали какое-то смутное отторжение, по-видимому, отталкивая тем, что литературоведы называют французским словом «ангажированность». Тем не менее, Игорь Кириллов в одном из номеров газеты, предваряя подборку Суханова восторженно провозгласил «Поэт родился!»

Должен сказать, что путь многих других теперешних членов Союза писателей России, получивших когда-то рекомендации «Северного огонька» не был столь счастливо освящен учебой в литературной столице. Критикой они были не столь

обласканы. Видимо, поэтому Шамсутдинов и Суханов, авторы множества книг, доныне справедливо считаются родоначальниками сургутской литературы, а остальные признаны как бы продолжателями их высоких начинаний.

Традиции реализма всегда были в основе требований к художественному мастерству «огоньковцев». Правда, были тут и значительные отклонения. Например, творчество Александра Павлова (я имею в виду Павлова-первого, прошу не путать с членом Союза писателей России Александром Валентиновичем Павловым — его тройным тезкой, тоже сургутянином) представляло собой явный «герменевтизм» — стихи с расчетом на узкий круг ценителей-посвященных, в основе которого лежала философия субъективного идеализма, исповедуемая автором.

Надо сказать, что за все время существования ЛИТО, несмотря на то, что многие из его членов имели высшее образование, редкий автор поднимал проблемы философского характера в соответствии с официальной идеологией СССР конца двадцатого века. Творчество Суханова, несмотря на его пристрастие к диалектике и материализму, так никогда и не явило их гармонии. Формальная диалектика царит в его стихах и поныне в виде нагнетания противоположностей и противоречий, а материализм приобрел, на мой взгляд, необратимо циничный характер.

Реализм Суханова шел от его звучных аллитераций:

*Мы курьеры карьеров
Гладиаторы трасс.
Мы плюем на карьеру...*

От изображения неприкрашенной действительности трудовых будней:

Нас бы всех на картину,

Да в грязи до ушей...

к лирике времен перестроек и постперестроек, судите сами какой:

Я так люблю тебя любить...

Не менее значительны повороты в творчестве Николая Шамсутдинова (шамсэддин — (туркск.) — соловей), начинавшего стихами, в которых явно чувствовалась поэтика Верхарна с его крепконогими женщинами и материальными мужиками, которых поэт высмотрел на причалах и деревянных тротуарах старого Сургута. Николай Меркамалович развился до прямого подражателя Иосифу Бродскому, чего не скрывал и чем даже почти бравировал. Весьма самостоятельными являются его литературные пародии, количество которых достаточно велико, чтобы составить не одну книжку. Шамсутдинов всегда был и остается очень важным, вальяжным и значительным, несмотря ни на какие обстоятельства.

В последнее время «Северный огонек» дал путевку в жизнь таким поэтам, как Георгий Карожанович Ешимов. Внешность Будулая, мягкая, походка вразвалочку выдает в нем очень поэтичную натуру.

Именно он написал о Сургуте песенные строки:

*Aх, Сургут, у меня нет надежней причала,
Твой привет мне речная волна прокричала,
И любимая машет навстречу косынкой,
И сверкает улыбка рассветной росинкой.*

Не подумаешь, что это кандидат технических наук, патентовед, автор множества замечательных изобретений. Георгий Ешимов родился в 1946 г. в Каменске-Уральском. Член Союза писателей России, автор множества поэтических книг: в том числе, вышедших в агентстве "Московский Парнас"

"Яблочный спас", "Дикая вишня", "Влюбленная Югра", "Открытые проливы", "Купальские венки".

В 2006-м году членом СП России стал неунывающий, спортивный Олег Гаврилович Никулин, стоматолог и знаток детских душ, автор книг «Шаги», «Иван-чай», «Соплеменники».

*Залита душистым Иван-чаем
Вся опушка леса до краёв.
Видимо с тобою не случайно
Оказались мы среди цветов.*

Литературное объединение дало также членов Союза российских писателей — это некоторое время руководивший "Северным огоньком" седовласый, кареглазый и очень мягкий Валерий Матвеев, всегда томимый какой-то тайной грустинкой Сергей Пивоваров и другие, через него прошли многие журналисты, работающие ныне в округе и за его пределами.

Занимались в ЛИТО «Северный огонек» такие поэтессы как организатор литературных встреч, автор трагичных и уморительных стихов о деревне Александра Владимировна Лазарева, влюбленная в высокую культуру Любовь Александровна Коробкина, домовитая хозяйка Нина Петровна Асикиянц-Галочкина, таинственно проникнутая мистикой Людмила Петровна Фомина-Яблуновская, активно работает автор замечательных книжек для детей «Не обижай маленьких» и «Хозяюшка» артистичная Людмила Ивановна Премудрых. Сохранившая в своем бальзаковском возрасте восхищенную детскую наивность Нина Михайловна Календарева готовит не только тексты своих книжек, но и рисует иллюстрации для них.

Не могу не отметить улыбчивую, глазастую Валентину Артемчук, автора книг «Свет в окне», «Молочный шелк на небе». Заочно с нами работает мужественный, со щеткой усов, инвалид Алексей

Костюченко, выпустивший в Шадринском Доме Печати книгу «Души святая чистота». К сожалению, редко мы видим замечательно талантливого поэта, члена Союза писателей России, седого как лунь, голубоглазого Михаила Кузьмича Антохина... Посещали когда-то занятия ЛИТО «Северный огонек» члены Союза писателей России прозаик Олег Рихтер, живущий ныне в Минске поэт Леонид Сидоров.

Много доброго можно сказать об Александре Александровиче Козловском, коренастом крепыше с тихим, но убедительным голосом, прозаике, члене тюменской писательской организации, который живет в Сургуте и принимал до недавнего времени самое деятельное участие в жизни «Северного огонька».

В конце прошлого года ЗАО ТРК «СургутИнтерНовости» была организована передача о писателях-сказочниках, членах ЛИТО «Северный огонек» Олеге Никулине, Людмиле Премудрых и Людмиле Фоминой-Яблуновской. К восьмому марта Наталья Мельгуй подготовила интервью с поэтом Георгием Ешимовым. И вот сейчас Олеся Пилипенко ведет работу в рамках встречи 40-летия «Северного огонька» в 2007 году.

К 410-летию г. Сургута в Кургане тиражом 1000 экземпляров был издан поэтический сборник «Север России». Члены СП России Михаил Антохин, Георгий Ешимов, Дмитрий Сергеев, Сергей Сметанин, Никон Сочихин, Петр Суханов, член Союза российских писателей Сергей Пивоваров, а также Леонид Гайкевич, Валентин Замятин, Игорь Кириллов, Александр Никифоров, Олег Рихтер, Людмила Родина представили в нём свои лучшие произведения посвященные Сургуту и сургутскому району. Редактор-составитель сборника — Д.А. Сергеев. Книгу украсили живописные иллюстрации Ж.В. Кочеткова, и Е.В. Рогачёвой.

В марте 2006 года в Сургутском университете под руководством заведующего кафедрой русского языка и литературы О.И. Усминского состоялся вечер поэзии с участием студентов и преподавателей. На вечер были приглашены члены сургутского литобъединения "Северный огонек" Михаил Антохин, Георгий Ешимов, Сергей Сметанин, которые тоже приняли в нем участие. Были прочитаны стихи и обсужден выпуск университетского поэтического сборника.

В ноябре 2006 года «Северный огонек» принимал гостей из Федоровского. С сургутской стороны присутствовали Нина Календарева, Александра Лазарева, Аркадий Летов, Александр Любякин, Владимир Черепанов, преподаватель СурГПИ, кандидат филологических наук Надежда Рябкова, члены Союза писателей России прозаик Александр Козловский, поэты Георгий Ешимов, Сергей Сметанин. Федоровское литобъединение представляла работник библиотеки Галина Анатольевна Киселева. Вместе с ней приехали Алексей Кулешов, Антон Талаев, Анастасия Татур, Владимир Шумихин. Они познакомили сургутян со своими произведениями. Прозвучали «Август» А. Кулешова, «Дежурство», «Невпопад» Н. Татур, «Ностальгия», «Разговор» В. Шумихина, «За лесами где-то ночь» А. Талаева. Обычно действующее в «Северном огоньке» правило не обсуждать вещи авторов, пришедших на заседание впервые, было нарушено по просьбе гостей, которые хотели получить советы по правилам поэтики. Их стихотворения получили заинтересованный и, надо надеяться, конструктивный отклик.

В 2006 году два члена «Северного огонька» стали лауреатами Международного конкурса художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого (Сергей Сметанин — третье место и Людмила Премудрых — почетный диплом). Хочется упомянуть имена членов «Северного

огонька», которые не один день отдали занятиям. Это Родион Девин, Зинаида Богданова, Аркадий Гришин, Валерий Загваздин, Геннадий Моисеев.

Почти тридцать лет я — член этого замечательного клуба. Писатель видит писателя, как рыбак рыбака, и для них вовсе не обязательны дружеские отношения. Тем не менее, литературное общение кажется мне сейчас, по прошествии многих лет большим благом. Есть у «Северного огонька» и свой сайт в Интернете, простенький, для знакомства. Он находится по адресу www.surgutlito.narod.ru.

«Северный огонек» провел сотни ежемесячных, а в последнее время еженедельных занятий в Доме журналистов ИКЦ «Старый Сургут», оказывал помошь в овладении поэтикой и редактированием публикуемых произведений, принимает участие в выпуске альманаха «Сургут», поддерживает творческие связи с Геннадием Кобылкиным из с. Успенское Орловской области, который сейчас учится на ВЛК при литературном Институте имени Горького, с Павлом Плюхиным из Нижневартовска, с товариществом детских и юношеских писателей в г. Москве. В 2006 году был проведен третий семинар молодых литераторов в Сургуте с участием известных авторов — членов Союза писателей России Юрия Дворяшина, Александра Кердана и члена Союза российских писателей Леонида Быкова.

В сентябре этого же года «Северный огонек» принимал участие в особых мероприятиях, проводимых в нашем округе. В зале Дома культуры «Камертон» состоялся литературно-музыкальный вечер в рамках Дней российской литературы. Вел его первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов. Вступительное слово было предоставлено ректору СурГУ, профессору Г.И. Назину, затем выступил профессор кафедры литературы Сургутского Педуниверситета Ю.А. Дворяшин. Воодушевление зала вызвали выступления главного редактора журнала «Наш Современник»,

известнейшего русского поэта Станислава Куняева, его заместителя по журналу, страстного публициста Александра Казинцева, замечательного петербургского поэта Николая Рачкова, лауреата Большой литературной премии прозаика Владимира Личутина, председателя орловской писательской организации СП России Геннадия Орлова и других.

Кажется, Сургут по-хорошему избалован вниманием уважаемых и весьма известных русских писателей. Все это дает основание смотреть на будущее «Северного огонька» с оптимизмом.

Член Союза писателей России

С.Е. Сметанин

Стихи

Виктор Козлов

Шаги

В тайге чудесная акустика,
Когда мороз под пятьдесят.
Нога на снег едва опустится —
И словно скрипки зазвучат.

Смычки то разом заколышутся,
То запоют наперебой.
По всей земле, наверно, слышатся
Шаги идущего тайгой

Дмитрий Сергеев

Белая ночь

Закат не гаснет. Ночь теперь похожа
На спящего с открытыми глазами.
На улице иссяк поток прохожих,
Всё, как и прежде, только город замер,
Затих в уже привычном ожидании
Любой причуды северного лета,
И в окнах девятиэтажных зданий
Играет отблеск солнечного света.

Жилище

Вот, наконец, и мне дано
Отдельное жилище.
Пусть необычное оно,
Но здесь уютней, чище.
Не раздражает яркий свет,
Не докучают гости,
И будут здесь немало лет
Мои храниться кости.
Но что за шум над головой
И голоса глухие?
Латунных труб протяжный вой...
— Что надо?! Кто такие?!
Эй, люди, может, здесь я сплю,
Шумите вы не слишком?
Молчи, мы к твоему жилью
Приделываем крышку.

* * *

По равнине белой тянутся
Деревянные столбы.
Мы умрём, они останутся,
Словно линии судьбы.

Их не считано количество,
До деревни держат ряд,
Только нет там электричества,
Лампы в избах не горят.

Не несут столбы добрые
Ничего и никуда —
С них недавно безработные
Посрезали провода.

1998 г.

Николай Шамсутдинов

Баллада о сибирских полках

Баллада о них начинается тут:
Зареванным ситцем полощет Сургут,
Последнюю баржу уносит война,
До мыса ее провожает волна,
И бьется над хмурой судьбой мужиков
Истошная стая
Прощальных платков.
Ни жен не щадя,
Ни седин,
Ни крестин,
Стояла дворами тоска проводин.
Навеки запомним:
Под хохот уключин
В холодных ладонях осенней реки
Полощут, взлетая на серые кручи,
И рушатся в пропасти
Бабы платки.
Эх, бабы...
Всходили и падали зори,
На слабых руках обвыкались мозоли,
Но, не покладая обветренных рук,
Работали бабы,
Вздыхая натужно,
Одно сознавая:
Хоть трудно, а нужно!
И — "Каждый осетр — снаряд по врагу!" -
Они зоревали в тоске по любимым
Под северным небом,
Полуденным дымом.
И в пушечных глотках гремели ветра,
Холодные ветры осенней пущины,

Военной пугтины,
Тяжелой годины.

Широкие ветры побед и утрат.
Возьмите их в святы —
И этого мало!
На льду Прииртышья,
В бригадах Ямала
Вам слава, войну бедовавшим без слов,
С грядою салютов живущие вровень,
Победу вспоившие
Потом и кровью,
Надежда и совесть
Сибирских полков!

1987 г.

Никон Сочихин

* * *

Дни всё короче и мглистей.
Ночи длинней и длинней.
Падают, падают листья
С дерева жизни моей.

Скоро уж, скоро закатится
Солнце за тот косогор...
Мне вспомнилось скромное платьице,
Мне вспомнился ласковый взор.

Теперь это все далече,
Как то, что от мамки тайком
Уж больше весне навстречу
Не выбежать босиком.

И все ж я с природой не в ссоре,
Раз осень — так осень и пусть.
И радость земную, и горе
Я знаю почти наизусть.

Песня о глухаре

Картечь прошла его насквозь
И огонек потух.
Пришли. Повесили на гвоздь
Такую красоту.

А тот, с ружьем, он знал свое.
Он был герой. Он цвел.
Он был доволен, что ее
На мясо перевел.

Уж каждый в мыслях ел его.
Уж чугунок вскипал.
Глухарь висел и ничего
Уже не понимал.

Не знал он, в чем его вина.
Что с сердцем? Что с крылом?
И в клюве клюквинка одна
Горела янтарем.

Здравствуй, Сургут!

Я люблю этот город.
Он так рано встаёт.
И с весёлым задором
На работу идет.

Вы, ребята, прекрасны.
Да и я среди вас.
Нефтепроводы, трассы
Заскучали без нас.

И стоит буровая,
Как литой монумент
Тем, кто звезд не срываю,
Был здесь в главный момент.

Кто был легкий как выстрел,
И под дождь, и во тьму.
И о том бескорыстье
Не кричал никому.

Всходит солнышко ясно
Над простором родным.
Здравствуй, город мой, здравствуй.
С новым днем трудовым!

Рабочее имя

Мы не зря привыкли называться
Именами наших городов.
Слушать я как музыку готов:
"Москвичи", "Смоляне", "Красноярцы".
Каждого в какой-то город тянет,
Назовут — и сердце застучит.
Ну, а я вот, просто сургутянин.
"Сургутянин"! Разве не звучит?
Пусть не так. Пускай не очень громко
О себе наш город говорит.
У Оби, почти у самой кромки,
Заглядевшись в дали он стоит.
Видит он: среди таежной хмари,
Как в безбрежье на волнах крутых
Покачнулись мачты буровых,
Где матросы — мировые парни.
Не впервые мне с ними быть в походе.
Нелегко даются нефть и газ,
Ведь не зря по всей стране о нас
Добрым словом говорят в народе.
А народ он прав, сказал — и баста!
Тут уж не прибавишь, не отнимешь
"Сургутянин" мне теперь — как паспорт.
Как рабочее мое второе имя.

Игорь Кириллов (Северский)

* * *

Вдруг меня поманили березы в снегу,
И лопатистый кедр, отливающий синью.
И почувствовал я, что без них не могу,
Потому и уехал на север России

Где-то степи остались в зазывном цвету,
В озорных переливах гортанных и гордых.
И оставил я ту, ту, которую очень люблю,
Чтобы строить лобастый и кряжистый город.

Чтоб себя самого испытать на излом,
Ведь от этого люди становятся крепче.
И увидеть, как в домнах полярных ветров
Отливают мужские упрямые плечи.

Вдруг меня поманили березы в снегу,
Край далекий, зовущий померяться силой.
И почувствовал я — без него не смогу,
Оттого и уехал на север России.

Александр Павлов

* * *

Наверно, только тишина
так властно управляла мной,
как эта старая стена
с улыбкой странной и сквозной.

В лохматых струнах кирпичей,
в отрепьях моха и траве
стоит стены виолончель,
прижав к груди свое "ave"!

Простите, это невпопад,
ну, что тут можно объяснить,
когда тепла порвалась нить
и листья с дерева летят!

И, рассыпаясь на ветру,
цветные пляшут лоскутки,
и, вдруг, потрескавшихся струн
берез касаются смычки.

Июнь

Разбито зеркало,
упало
и разбилось.
В осколках синих
лужа отразилась,
пучок дождя,
лохматый неба жгут.
Да воробыи —
и серые,
и дурни —
осколки
словно зернышки
клюют.

Звезды

На небе звезды, как будто игрушки на елке,
Светят, а та — всех прекрасней,
всех ярче горит.
Я ее светом лукавым бывал не однажды сбит с толку
Но почему-то к ней сердце шальное летит.
Может быть, это от скуки или от слепого желанья
Светом ее облучиться в холодной,
бескрайней ночи.
Может быть, это по скользким путям мирозданья
В пропасть толкают меня мои чувства —
мои палачи.
Может быть, то не звезда, а мое заблужденье
Верю в которое ярче,
сильней.
Сколько веков, поколений,
самозабвенно
Взгляды веселых и грустных людей
Тянутся ввысь, словно ветви высокого древа,
Тянутся ввысь,
чтобы выбрать звезду для души.
Я выбираю вон ту, что в груди моей слева...
Господи праведный, ей на меня укажи!

* * *

O.T.

На все живое месяц май
Одел зеленые одежды.
Зачем же медлить?

Убивай
Во мне последнюю надежду

Быть соком на твоих губах.
Не медли, не ищи предлога.
Убей!

Останься недотрогой —
Убийцей с нежностью в руках.

Олег Рихтер

В зимнем лесу

Хлесткий ветер выбивает слезы,
Злобствует разбойница-пурга...
Эх, крепки сибирские морозы!
Глубоки сибирские снега!

В рыхлый снег зарылись куропатки,
Замерли в ветвях тетерева.
Хвойный дух, дурманящий и сладкий, —
От него кружится голова.

Кое-где попискивает птаха,
Стонет лес на разные лады,
Бродит по урману росомаха,
Оставляя грозные следы.

Спит медведь под старым корневищем
В богатырском беззаботном сне,
Над его берлогой ветер свищет,
Будто бы тоскует по весне.

В переметах тропки да дорожки,
Но влечет неведомость меня.
По замысловатой заячьей стежке
Пролегла глубокая лыжня.

О БТР-ах и офицерах

Качалась ночь в купе вагона,
В окно стучались ширь и даль,
Локомотивного прогона
Стонала рельсовая сталь.
Смурно общались офицеры,
Вели тяжелый разговор
О Чести, Родине, о Вере,
И что предательство — позор.
Они служили в батальоне
В горячих точках, и сейчас
В пропыленном насквозь вагоне
О позапрошлом речь велась:
"Ты вспомни, друг, о страшных ночных
В столице бывшей СССР,
Не на афганских знайных "кочках"
Горел наш славный БТР".
И перекошенные лица
На древних улицах Москвы,
Раздавленная черепища,
Освобожденные мозги....
Давали мы с тобой Присягу
На верность Родине служить,
А дали БТРу тягу —
Народ российский раздавить...
Хлебнули водки, замолчали...
Погоны, крыльями печали
Поникли... Бег не прекращал
Их поезд по родным просторам,
И перед каждым семафором
Душой израненной кричал...

Любовь Коробкина

Вальс возвращенья

Падает снег на мой город уснувший,
В ночь-забытье с головой утонувший.
С грустью смотрю я на снеговращенье —
Чудится вальс твоего возвращенья.

Рада мечте я, реальностью ставшей,
Ты возвратился немного уставший,
Запахом моря и солнцем пропахший,
С целой охапкой ромашек опавших.

Руки мои парой крыльев взлетают,
Нежно и сладко тебя обнимают,
После дороги усталость снимая...
Нет, не колдунья, а просто — жена я.

* * *

Мне б художником родиться,
Чтоб могла запечатлеть,
Как снежок легко ложится
На рябиновую медь,
И на золото березы,
И на хвойный изумруд —
То в преддверии морозов
Первый шаг зимы в Сургут.

Александра Лазарева

Слово доброе

Вновь на улице холод и ветер,
И в простуженном сердце — дрожь.
И с надеждой мечтая о лете,
Добрых слов и улыбок ждёшь.

Под асфальтом душа у многих
(Или не было никогда),
И, возможно, не той дорогой
Ты идёшь...
И не знаешь куда.

Но идёшь и идёшь одиноко
Сам — частица глухой толпы.
И стареешь душой до срока
Среди общей её немоты.

Каждый сам за себя отвечает,
Да не всем суждено это знать...
Слово доброе лечит печали —
Надо
Чаще
Его
Повторять!

01. 2002 г.

Ошиблась кукушка

Озаряясь лучами с востока,
Синим лоскутом озеро плыло,
И кричала кукушка без срока —
Сотни лет деревеньке сулила.

Жил крестьянин в работе и вере,
Был доволен избой и амбаром,
За отцов и детишек уверен —
Знал, что жизнь проживает недаром.

Опустился на озеро вечер,
Покосилась пустая избушка,
В одиночестве кутая плечи.
Нет деревни.

Ошиблась кукушка.

Первая любовь (песня)

Цвела черемуха. И там, под ветками,
Была скамеечка. Был вечер тих.
Любовь взаимная, большая редкая,
Ждала весною той лишь нас двоих.

Все той весной впервые было,
Не повторить уже такого вновь.
И ты любил, и я любила,
И вся сирень в пять лепестков.

Летели весны те, одна с другою в ряд,
Не знали мы с тобой еще пока,
Что мимо глаз моих направлен будет взгляд,
И не в твоей руке — моя рука.

Все той весной впервые было,
Не повторить уже такого вновь.
И ты любил, и я любила,
И вся сирень в пять лепестков.

Года считаем мы уже десятками,
Любовь же помню я всего одну.
И так по жизни я иду с оглядкою
На нашу первую, на ту весну.

Геннадий Моисеев

Снежная шапка

Снег пушистый, серебристый,
До того он мягкий, чистый,
Так и просится в охапку:
— Вот бы мне такую шапку!

Уж меня бы в целом свете
Каждый издали приметил,
И запомнил облик мой
В этой шапке снеговой.

А снежок летит, кружится,
Пухом на землю ложится.
Я ловлю его в охапку —
Собираюсь делать шапку.

Людмила Фомина-Яблуновская

8-е марта

Еще весны волнующие звуки
Настраивает звонкая капель,
Но ты открай свои для счастья руки,
Прими, что сможешь сердцем взять теперь.

И не беда, что в этом снежном крае
В наполненные робким солнцем дни
Придет весна, наверно, только в мае,
Мимозой душу раньше распахни.

Будь самой лучшей и красивой самой,
Чтоб близкие смогли тебя назвать
Женой любимой, доброй, милой мамой,
И ты могла любимым счастье дать.

Родион Девин

* * *

Танцевала метель по забытой дороге,
Обнимая деревья одно за другим.
Я эмблему любви рисовал на сугробе,
А она оживала под взглядом моим.

И сливаются двое в случайном экстазе —
Мое сердце и неба таежная быль,
Собирая снежинки в задумчивой фразе:
Я любил, я люблю, и еще не забыл...

Аркадий Летов

* * *

Берестяное бабье лето,
Платок накинув расписной
Себе на плечи, в блеске света
Воображение поэта
Заворожила красотой;
Лесных озёр, где в чистых водах
Краснеет от стыда заря,
Где плачет осенью природа
В берестяном лукошке года
Грибы и ягоды даря!
Ищу в тайге успокоенье
Для очарованной души!
И — шелест листвьев, птичье пенье
Оби языческой волненье,
И нега девственной глуши;
Всё — благодать и сердцу мило
И чувств и мыслей толкотня.
Сибирь, наверно, полюбила,
Наивной сказкой одарила
За трепетность души меня...

Виктор Кононов

Буря

Тучи грозные нависли
Над притихшо землей,
Что-то там творится в выси —
Ярый клекот, жуткий вой.

Полыхнуло ярким светом,
Озарило все окрест,
Только гром отгрянул где-то
Как пасхальный благовест.

Тут промчался шквальный ветер,
Крышу вздыбил, как крыло.
Во дворе играли дети,
Их как птичек размело.

Ливень хлынул, и потоки
Захлестнули белый свет —
Уноси скорее ноги,
От дождя спасенья нет!

Вдруг внезапно все затихло,
Тучи дальше унеслись.
Так всегда: уходит лиxo,
Остается с нами жизнь!

Август 2001 года ст. Березанская.

Зиме

Какие б песни мы зиме не пели,
Она нам не стремится угодить —
Ее морозы и ее метели
Упорно не желают уходить.
Мы постоянно быть должны на взводе,
Расслабился — и до костей промерз.
Зимой не доверяем мы погоде,
Везде и всюду властвует мороз!
Зима — не мед, и это всем известно,
Не угодил — и вот уже беда.
Хотя и белоснежна, как невеста,
Но ее сердце — это глыба льда.
Она и рыбакам не потакает,
Чуть не успел — и лунка подо льдом,
И под тулупом сердце промерзает,
Тем более, когда ты под хмельком.
От водки, скажем прямо, проку мало,
Напрасно рыбаки с собой ее берут!
Уж лучше хлеб, да шмат простого сала —
И жилочки воспрянут, оживут!
Какие б песни мы зиме не пели,
Она нам не стремится угодить —
Ее морозы и ее метели
Упорно не желают уходить!

Владимир Черепанов

* * *

Шум волны повсюду слышен —
Так и хочется обнять.
Я на дно за ним, он — выше,
Вверх я — он внизу опять.

Шторм идет на самом полном,
Поднимая муть со дна.
Окружили берег волны:
Мне объявлена война.

Заберусь, и с них не слезу
(Мне и это по плечу).
И у самых волнорезов
Я — "Победа!" — прокричу.

Будет славной эта схватка
С набежавшою волной,
Потому, что ты, украдкой,
Наблюдаешь вновь за мной.

Леонид Гайкевич

* * *

Давно уже закончилась война
Исчезли в буйных зарослях воронки.
О берег мирно плещется волна,
А в дверь опять стучатся похоронки.

Не спрятаться от них не убежать.
И снова, припадая к обелиску,
У Вечного огня рыдает мать
Над именем из мраморного списка.

Минуюю молчания страна
Чтит память Неизвестного солдата.
Давно уже закончилась война,
А на крестах — сегодняшняя дата.

* * *

Мой Сургут, застыв на обских склонах,
Весь в цветах, деревьях и траве,
Распластал свои микрорайоны,
Как орёл, парящий в синеве.

Я живу с тобой одной душою,
Ты до боли в сердце мне родной.
Вместе мы и в счастье, и с бедою
Вместе мы справляемся с тобой.

В будни мы и в праздники с тобою
Будем жить, работать, песни петь.
Мне стареть начертано судьбою,
Ты же будешь вечно молодеть.

Расцветай же мой прекрасный город!
Слава о тебе давно идёт.
Как же восхитительно ты молод!
Как красив и счастлив твой народ!

3.07.2001г.

Алексей Горский

Философское

Что наша смерть? — игра на выбыванье,
Когда почти все козыри у ней.
Каким бы к жизни не было желанье
В итоге смерть окажется сильней.

Что наша жизнь? — баланс на грани риска,
Где время набирает свой разбег —
Бегут года, а мы теряем близких.
Редеет в списках жизни человек.

Светлана Тюмурезова

Родина

Я выросла в донских степях и с детства
Дышала ароматом трав степных.
И вдалеке хранила как наследство,
Душистый, милый сердцу запах их.

Мне травы эти были колыбелью.
И забывались беды в легких снах.
И кашка белой кружевной метелью
Меня качала, словно на волнах.

Закатная полоска догорала,
Крик чибиса звенел в седой дали.
И, клином устремляясь вдаль, устало
Летели над землею журавли.

Валерий Загваздин

Лунный вечер

Повис печально стяг державы,
И ветра смолк разгульный свист,
И желтый, высохший, шершавый,
Упал последний с ветки лист.

В тиши парящие снежинки
Нетканым, нежным полотном
Укрыли тёмные тропинки,
Деревья перед зимним сном.

Предвестник первого мороза
В небесной мгле плывет луна,
И тени кистью виртуоза
На этот снег кладет она.

И я просёлочком, уставший,
Иду, и тень со мной ползёт
То сбоку, то чуть приотставши,
А то по дереву скользнет;

То изогнётся на ложбинке,
То на бугре сожмётся в ком...
Свет льёт луна, а туч морщинки
Застыли в поле голубом.

Алексей Костюченко

* * *

Земля упрятала туманы
В низины к берегу реки.
Обрисовались курганы
Как исполины-великаны,
Крутоголовы и крепки.

Там за покатыми холмами
Восток окрасил небеса.
Мерцанье звезд едва над нами
И блещет яхонтом роса.

На землю небо льет рулады —
Хвалу рассвету шлет певец.
Степная птаха жизни рада,
А с ней и я — земной жилец.

* * *

Громадой сказочною туча
Растет, чернеет небоскат.
Неотвратима и могучая
Как грома грозовой раскат.

В округе все притихло, даже
Не колыхнет осин листы.
И только ласточки на страже,
У ног прохожих вьют финты.

Все ожиданием стихии
В природе заворожено.
Гроза нависла над Россией
Негаданно, непрошено.

Нина Календарева

* * *

Сургут.
Начало октября.
Уж третий день ни осень, ни зима.
Весенний между ними промежуток.
И резко так морозец вдруг
Напомнит о себе, как прежний друг.
И вновь крупа замельтешит
Среди предзимних суток.
Из труб
Сургутской ГРЭС
Относит ветер пар,
Подобный крыльям
Пары лебединой.
Ночная тишина.
Блаженный мир.
В домах тепло
И от огней светло
Над Западно-
Сибирскою
Равниной.

Нина Асикянц-Галочкина

Утренний Сургут

Неровно дышит город,
Как — будто сжата грудь.
Во мгле дома, деревья
Неясно виден путь.

Едва заметны фары
Издалека плывут,
Окутался туманом
Наш утренний Сургут...

Но заиграло солнце,
Пробив тумана мглу,
Искристые крупинки
Расшевелили тьму.

От блеска встрепенулись
Березы, тополя,
Свободно задышала
Сургутская земля.

Март 2002 г.

Предпраздничный Сургут

Летят над площадью шары,
Как тополиный пух.
И всплески крика детворы
Разносятся вокруг.

Повсюду музыка слышна,
Веселью нет конца.
Толпа с гармошкою прошла,
Растрогала сердца.

Частушки где-то вдалеке
Красавица поет,
О позабытой старине,
Что за душу берет.

Танцует пожилой народ
Под духовой оркестр:
И вальс, и танго, и фокстрот,
Показывая блеск.

Смех заразительный вокруг,
Кто шутит, кто дурит.
Ликует праздничный Сургут,
Весельем жизнь бурлит.

Июль 2002 г.

Георгий Ешимов

Сургут

Плещет о берег Обь,
Солнце в тайгу садится,
Бьется мошка о лоб,
Лодка на крыльях мчится.

Лязгает земснаряд,
Берег реки намывая,
Это — моя земля,
Лучшей пока не знаю!

Здания там и тут
Ввысь убегают споро,
Святоникольский храм
Будет всему опора.

Верю я, расцветут
В запахе трав росистых
Люди твои, Сургут —
Центр земли российской.

Белые вечера,
В скверах фонтанов искры.
Славьтесь Сургут — Югра —
Округ Ханты-Мансийский!!!

Русь

Живица янтарного слова
Стекает в напевную грусть.
Гордыни высокой основа —
Сосново-кедровая Русь.

И духом прозрачно-смолистым
Врачуются души и грудь.
Сожги меня или очисти,
Сосново-кедровая Русь.

В распахнутых настежь озерах
Как в синих очах растворюсь...
Услышь мой полуночный шорох,
Сосново-кедровая Русь!

* * *

От Сургута до Ханты-Мансийска
"Метеор" очарованный мчит,
И в окно лобовое искристо
Изумрудное солнце летит.

С темноспинными рыбами спорят
Крылья судна в прозрачной воде.
А прибрежные тальники вторят
Учащенной поршней чехарде.

Дебаркадер волною качает,
Разлетается капелек дробь,
И взволнованно Миснэ взирает
На Иртыш, догоняющий Обь.

Запахи детства

Каждый из нас получает в наследство
Добрые, теплые запахи детства
Ветер откуда-то их принесет —
Сердце взволнованно бьется и мрет.

Пахнет деревней морошка в стакане
Чай — самоваром, и речкою в ванне,
Пахнет грозой после стирки белье,
Дедушкой старое пахнет ружье.

Девочка шкафчик раскроет и ахнет:
"Мамою ветхое платьице пахнет..."
Мальчик на полочке леску найдет
И об отце потихоньку взгрустнет.

Как бы хотелось назад возвратиться
В детство, где можно скакать и кружиться.
С мамой над увальнем-папой шутить,
С папой смеяться и рыбу ловить.

Годы промчались густой вереницей,
Запахов детства листаю страницы.
Жаль, что нельзя их открыть навсегда —
Склейла крепко былая беда.

Купальские венки

Венки плести с тобою на Купалу,
И по реке со свечками пускать,
И пальцы полусогнуты устало,
Вдыхая отрешенно, целовать.

Сквозь пламя очищения на пару,
За руки взявшись, прыгать, и не раз,
Потом, утихомирясь, под гитару
Вдохнуть отраду утомленных глаз.

Чтобы поздней почувствовать: как мало
Мгновений счастья,
здесь он — мой маршрут,
А те венки, что ты со мной сплетала,
Уже по морю синему плывут.

Олег Никулин

Брусника

Я из УАЗА вышел
В болотных сапога.
Корзинку взял,
к ней крышку,
Сплетённую на днях.

Хочу брусники
спелой
на просеке собрать
или грибков в лесочке
так, килограммов пять.

И, потянувшись сладко,
Взглянул на небеса.
Под солнышком,
как складка,
Тянулись облака.

Комарик беспардонно
Вначале ткнул иглой.
Потом вдруг
— разъярённо
Накинулся с братвой.

Я вновь в авто запрыгнул.
Какие там грибы!
Величиной с бруснику
Летали комары.

Язь и Нельма

Женился Язь безродный
На Нельме благородной.
Все спорили, ругались,
Да рыбакам попались.

И те их рассудили:
По бочкам разместили.
Язя в пивбаре съели,
А Нельму — в Гранд-отеле.

Людмила Премудрых

Новогодний розыгрыш

Добрый дедушка Тарас
Нас разыгрывать горазд.

Как-то входит к нам с мешком,
Запорошенный снежком.

Нос натер он свеклой красной,
И халат надел атласный.

Борода вся в инее,
Рукавицы синие.

На усах повисли льдинки,
А в глазах его — смешишки.

Весь украшен мишурой,
В рыжей шапке меховой.

Он со мною танцевал,
Милой внучкой называл.

Я стишки ему читала,
Деда в щечку целовала.

Задала ему вопрос:
"Кто ты, Дедушка Мороз?"

Дед, загадочность храня,
Поднял на руки меня...

Мы смеялись целый час.
Разыграл нас дед Тарас!

Поганки

Две бледные поганки —
Одна вредней другой.
Хвалились на полянке
Ажурной бахромой.
Гордилась нежной шляпкой
Поганка покрупней,
Другая — тонкой ножкой
и рюшками на ней.
Опенок на пенечке
Махнул на них рукой:
— Красивые грибочки,
А пользы — никакой.

Хозяюшка

Снег подтаял. Мне удобно
Булки в формочках лепить,
Снег, конечно, не съедобный —
Можно горло застудить.

Напекла пятьсот ватрушек,
Приготовила лапшу,
Позову друзей, подружек,
Маму с папой приглашу.

Раскраснелася, как свёкла,
Надоело быть одной,
И одежда вся промокла...
Хватит! Я пошла домой.

Михаил Антохин

Чаша

Никакая ты мне не чужая...
Ты своя — до кончиков ногтей!
Пред тобою чаша золотая —
Вот она, бери её, владей!

В ней не только крепкие напитки —
В ней души целительный настой:
Иван-чая золотые слитки,
да Ивана-с-Марьей — огнестой.

В ней не только ближних поколений
Смех и горечь... в ней веков тоска;
Пригородных и речных селений
Плач и хохот, и громов раскат.

И царей суровые обличья,
И цариц пустая суeta,
И страны высокое величье,
И родни скучая нищета, —

Всё смешалось в этой дивной чаше!
Не чурайся. Пользуйся. Бери.
И к губам её и к телу чаще
Подноси, благословляй, смотри.

И — пьяней! и опьяняй округу:
В ней вина на сорок сороков.
Опьянеешь — напои подругу —
Не убудет от седых веков.

А когда наступит отрезвление
Ты её одышь и так поставь,
Чтоб семнадцатое поколенье
Целовало в ней твои уста!

1995 г.

Встреча

Как ветreno,
Как пасмурно вокруг
и пусто, словно вымерло всё вкупе.
Навстречу мне старинный школьный друг
в каком-то одеянье, как в тулуpe.
— Что так одет? — я в лоб ему вопрос, —
иль не тебя мои узрели вежды? —
А он кривясь, в меня глазами врос
и голосом, без чувства и надежды,
сказал, мол, той поры прошли года
и одеваюсь, де, во что осталось;
на кладбище ночую, а тогда
оно мне омерзительным казалось.
Соединился с ними...
Я — как и они...
Нам чуждо празднование и праздность;
я прежде плохо жил на трудодни,
теперь — и трудодни бы стали в радость.
Мы истину тех дней не сберегли,
хоть павшие беречь её просили;
мы подло отвернулись от земли,
короче отвернулись от России.
Вот я перед тобой — живой порок,
зачисленный не знаю кем в изгои...
Я принял как плевок его упрёк,
хоть менее всего
того достоин...
Он отвернулся и продолжил путь
туда, откуда по утрам выходит.
А мне представилось, как бередя толпу,
В его обличье
дух паденья бродит.

2004 г.

Александр Козловский

* * *

За околицей, за околицей
колокольчики колоколятся.
Колоколятся коло колоков
между колышков межевых.
Колокольчиками, как колоколом
все расколото, будто около.
Колоколятся колокольчики,
коли кто-то около них.
Колокольчики колоколятся —
будто кто-то ударил в колокол;
колокольное настроение,
коль запели колокола.
За окошечком, за околицей
колоколятся колокольчики,
и разносится коло — около
коло —

КОЛО-ЛО —

ко-ла-ла!

Ночь

Падает снег.
Тихо падает снег
на печали мои,
покрывает озябшие крыши
деревянных усталых домов,
согревает холодным теплом мою скорбь.

Падает снег.
Тихо падает снег;
и в торжественном блеске
холодных бесчувственных хлопьев
меркнет свет фонаря у дороги,
где стоит, засыпая мой старенький дом.

Падает снег.
Тихо падает снег
на воздетые к небу в молитве
усталые руки деревьев,
на дорогу,
где утром еще сыто чавкала грязь,
беспокойных прохожих хватая за пятки
беззубыми ртами,
но, насытившись, дремлет теперь до утра.

Падает снег.
Тихо кружится в медленном танце
черемухи цветом,
повинуясь чарующим звукам
мелодии спящего ветра.

Ночь.
Беззвучная ночь.
Только слышу,
как все тише и тише кругом:
все кругом замирает.
Замирает на тысячу лет,
между жизнью и смертью...

Навсегда...

Падает снег.
Тихо падает снег.

1993 г.

Валентина Артемчук

Счастье

Я от разлук уйти желала,
Назначенных слепой судьбой.
Я петь сердечку запрещала
И все ж любовь пришла весной.

Она мне грезы подарила,
Гнетущий прогоняя страх.
И сердце будто бы ожило
В её заботливых руках.

И, бабочкой, душа, взлетая,
Уселись на плечо к тебе.
Поет сердечко, не смолкая.
Поет наперекор судьбе!

Тайна сердца

Ты позволь, я буду сказкой
Той, что в детстве ты забыл,
И русалкой-синеглазкой,
Той, что преданно любил.

Стану я лучом рассветным,
Подарю сиянье дня.
Позови — теплом заветным
Обогрею без огня.

Буду ангелом небесным,
От беды уберегу.
Лишь позволь, я сном чудесным,
Феей хрупкой быть смогу.

Если жизнь полна другою
И уходишь не любя,
То позволь мне стать слезою
На ладони у тебя.

Без тебя

Я привыкаю к мысли:

— Без тебя...

Я приучаю сердце реже биться.

Но снова вижу сны — в них ты и я,

И вновь моя душа к тебе стремится.

Печаль рисует милые черты,

Зовут маняще в темноте желанья...

Нет, не забыть тебя...

Не знаешь ты,

Как нестерпимо время ожиданья.

Тоска летит, скорбя, в ночной мольбе

И плачет горько дождь со мной в ненастье.

Задам вопрос изменчивой судьбе:

— К кому теперь стучится наше счастье?

Александр Любякин

Осень

Осень. Подкралась прозрачность небес.
Птицы стремятся на юг.
В злато-багрянец окрасился лес.
Где ты, единственный друг?

Скоро зима припорошит виски,
Холодом сердце скует.
Ты не придешь от безмерной тоски —
Боль в мою душу войдет.

Поздно, но все-таки хочется мне
Ногой высокой взлететь.
Песню любви, зазвучавшей во мне
В час свой осенний пропеть.

Евгений Максимов

Черное море

Иду по берегу моря,
Море съедает меня.
Море полное соли,
Ярости и огня.

Тёмно-зелёные волны
Мерно, одна за другой
Рушатся неуклонно
Пенистою дугой.

Сеют мелкую гальку,
Лижут тёплый песок,
Белую-белую чайку
Гонят на юго-восток.

Что за невольная прихоть?
К морю прикован я.
Эй, освежающий вихорь,
В даль унеси меня...

1996 г.

Проза

Тамара Котова

Север, который в сердце

Счастливы ли вы тем, что жили в Сургуте и работали в Сургутнефтегазе, спросила нас газета «Нефть Приобья»? Да, счастливы-то мы были тогда, а поняли это лишь сейчас.

Тогда, в семидесятые, многие на год, два, от силы — три наезжали сюда и съезжали обратно, в лучшем случае — заработав семьям кое-что из благ (машину, деньги на квартиру), в худшем — не выдержав северных катаклизмов.

Листаю мой «Сургутский дневник»:

*На севере много хороших грибов —
Поганки не терпят больших холодов.
Они не выносят — их шкурка тонка,
Их ливни здесь ксяят, гнетут облака...
Короткое лето и мало травы —
Не спрятать от ветра нигде головы.
На севере мало поганых грибов —
Они не выносят больших холодов.*

Оставались надежные и толстокожие. Летом — в песках и тучах комаров: «Комарищи-комарики, жалят нас нещадно, комарищи-комары — к людям беспощадны». Зимой — в стужах и морозах:

*В зиму нет надежней средства,
Чем обычные дрова, —
Все, чем мы привыкли греться,
В пятьдесят спасет едва!
За окном циклон звереет,
Обрывает провода,
С каждым часом холдеет
В отоплении вода.*

*Опзывающую свечку
Мы опять с тобой зажжем
И в который раз про печку
Благодарно вспомянём!*

Зимой и летом, не взирая ни на что, шла разведка, бурение, монтаж, а значит — и снабжение, техническое обеспечение главного дела этого края — добычи нефти. Техснаб — один из трех китов, на которых держался, начиная с семидесятых, Сургутнефтегаз. Остальные два — транспорт и человеческий фактор.

Базировался Техснаб на Белом Яру, а его участок горюче-смазочных материалов, попросту ГСМ, — еще дальше за городом, на товарном парке, где была своя пристань, а потом — в железнодорожном тупике. В 1976 году — это год нашего приезда в Сургут — территория базы Техснаба представляла собой хаотичное, на первый взгляд, нагромождение.

Складировалось все по принципу: вали кулем — потом разберем. Начиная от ворот базы, вповалку лежали: где — на поддонах, а местами прямо на песке — миллиардные богатства в виде огромных ящиков, контейнеров, катушек кабеля, котлов и котельного оборудования, комплектующих к станкам-качалкам, бочек с импортными маслами и «нашей» краской, труб, вентиляй и Бог весть чего еще.

Казалось, никто и никогда не расставит и не разложит все это добро, не поддающееся никакому подсчету.

Позже, когда Техснаб стал называться уже не так благозвучно: ему присвоили имя БПТОиКО №1, сокращенно — первая база, это был уже целый городок в несколько гектаров на берегу Оби. Со своим причалом, оснащенным огромными кранами на рельсах и множеством металлических складов-арочников, похожих сверху на космических пришельцев.

А вокруг котельной, за contadorой — ближе к теплу — лепились деревянные коттеджи, вагончики, столовка, магазин, балки. Еще дальше — сосны, лес.

ГСМ — отдельная страничка нашей северной эпопеи. Именно здесь состоялось боевое крещение нашей семьи: 1976-1977 годы оказались по-настоящему суровыми во всех смыслах.

Вспоминаю первое апреля семьдесят седьмого. Мы вышли морозным утром на суточную вахту. Стоял «туман» и — тишина. Мы были буквально упакованы в костюмы для пониженных температур: ушанки, толстые ватники и валенки. У меня открытыми оставались одни глаза — через минуту-другую ресницы обледенели. И вдруг прямо на глазах к нашим ногам упала ворона, минуту назад еще махавшая крыльями. Позже на остановке мы узнали: было минус сорок шесть.

ГСМ был едва ли не самый популярный участок Большого Снаба, как называли тогда родную мою организацию. И кто из северян тех лет не знал тогдашнюю королеву бензоколонки — Тамару Ивановну Шнайдер?! А бессменного начальника участка — Виктора Александровича Богомолова?!

Это были бензиновые доноры для всего транспорта, обслуживавшего добчу нефти. Сотни бензовозов беспрерывным потоком шли с товарного парка на буровые и промыслы: вели им дизтопливо, масла, бензин — кровь транспортных артерий нефтяной системы Сургута.

Надо отдать должное первой базе как кузнице кадров. Некоторые сегодня в Москве, многие — в объединении реализуют свой опыт, а здесь, на Белом Яру, вот уже несколько лет успешно возглавляет администрацию поселка бывший работник БПТОиКО Татьяна Николаевна Мазалова.

*Сургут — это нефть, Сургут — это ритм,
Сургут — это поле сражений и битв.
Сургут — это юность, безудержный труд.
И детство счастливое — тоже Сургут.*

ГСМ, как и полагается кровотоку, действовал круглые сутки: под страхом смерти циркуляцию крови нельзя остановить, даже когда вокруг все замерзло и замерло. Активированных дней не существовало в нашем подразделении, все работали. В меру сил. Иногда, в самые лютые морозы, коченели у насосов, и тогда спасал не только горячий чай, но и родной русский напиток. И, конечно, банька после «суток».

Приход нового «генерала» — Владимира Леонидовича Богданова, мы, отдаленные от него по роду службы в сотню световых лет, почувствовали сразу. В Евангелии сказано: «Суди о древе по плодам его». Плоды не замедлили созреть как-то удивительно быстро.

Тупик для слива горюче-смазочных с железнодорожных цистерн был сделан на скорую руку, со множеством нарушений техники безопасности, за что и расплачивались дорогой ценой. Как-то в тупике при закачивании бензина сгорели два бензовоза — «Татра» и «Магирус». Причина? Искрнули насосы, дышавшие на ладан. На товарном парке и самой базе — на Белом Яру — тоже немудрено было ногу сломать. Учет оставлял желать лучшего. Одним словом, все делалось ненадолго, побыстрее, как-нибудь и на авось.

Вначале мы заметили: началось какое-то движение, в нашей жизни что-то стало происходить. На отдаленные участки — товарный парк и тупик ГСМ в Юности зачастили комиссии. Неизвестные нам начальники вместе с нашими ходили, смотрели, прикидывали, спорили. Вскоре пошли самосвалы с песком, КамАЗы с дорожными плитами и автокранами. Началось

строительство участка ГСМ, уже отвечающего всем нормам и требованиям. Явно строили надолго и хорошо. Душа радовалась.

На Белоярской базе тоже все переменилось. Заскорузлую, ржавую, закосневшую техснабовскую машину кто-то, вдруг, взял да и сдвинул с мертвой точки. Тогдашний наш директор Петр Яковлевич Токарь после селекторного совещания и снятия «стружки» (ох, и доставалось же ему, ведь база была на виду всего Севера!) в свою очередь усиленно «строгал» своих начальников цехов и отделов. Порой и головы слетали.

Пошла продуманная, грандиозная работа по наведению Большого Порядка. Все пришло в движение, машина была запущена. Это поступательное и положительное движение почувствовал каждый: и конторские, и работяги. Тогда поняли: пришел хозяин, а не очередной чиновник высокого ранга.

Работать было легко — морально. Во-первых, отмечу всеобщую целеустремленность. Все — от строителей до уборщиц — знали, какие цели и задачи стоят перед ним, перед предприятием и в целом перед Сургутнефтегазом. Уже заметны стали изменения к лучшему не только в работе базы, но и в самом облике предприятия, поселка, где жили. Двигалась очередь на получение жилья в городе. Да и на Белом Яру строили приличные, хотя и деревянные, квартиры с удобствами.

И кто-то за всем этим следил, и кому-то мы были нужны — мы и наши проблемы. Мы чувствовали заботу, отдавая работу. Причем работа шла на результат. В самом Сургуте тоже велось интенсивное строительство жилья, школ, детских садов, больниц.

*Частоколом поднимают горизонт
Стрелы кранов — руки строек.*

*Не в предание —
Я в сегодня погружаю взора зонд —
Всюду бьется пульс Большого Созиданья.*

*Города, дороги, улицы, поля
Хорошоют, молодеют, возрождаются.
Ритмы ритмов задает себе Земля
И, родная, с ними истово справляется!*

И вот я снова в Сургуте, городе моей молодости. Он тот же — и другой. Тот же дух созидания — и постаревшие лица моих ровесников, не заметивших, как промелькнули десятилетия. Тот же Богданов — только размах его деятельности теряется где-то в заоблачных далах. И я та же — с любовью к городу и к Сургутнефтегазу, вместе с которыми была так счастлива.

*Я не болею соболями —
Так жаль мне этого зверья!
Но соболиными краями
Заполнена душа моя.
Болею северной природой,
Сосной, прозрачной,
Как хрусталь.
Холодной утренней погодой
И небом — ярким, словно шаль.
Короткой осенью далекой,
Стогами сена за рекой,
Тропой таежной одинокой,
Сырой оттаявшей весной...*

Дмитрий Сергеев

Чужие игры

— Мама, — сказал Ют, перелетая ближе к биополетрансформеру, — я хочу поиграть в летающие тарелки.

— Ты же знаешь: теперь это опасно, — забеспокоилась Ин.

— Но в прошлом цикле мы с Юн так здорово играли. Юн превращался в летающую тарелку, а я — в зеленого человечка. Зеленым человечком тоже быть хорошо, только надо сильно уменьшаться. Было весело!

— В прошлом цикле у людей не было опасного для нас оружия, а теперь они могут тебя сбить. Оставь в покое трансформер!

— Ну, мама...

— Хорошо, ты можешь поиграть в полтергейст — это тоже весело.

— Надоело!

— Зато это самая безопасная игра.

— ...Для маленьких. Стучать, посуду бросать, смотреть, как рожи корчат. Потом приходят какие-то умники: сидят-сидят, смотрят-смотрят — ничего не соображают! Скучно. Мам, ну разве ты в детстве не играла в инопланетян?

— Нет, мы играли в джиннов. Но это было совсем другое дело, — она вдруг задумалась, и края ее ауры стали часто пульсировать, приобретая красноватый оттенок. — Вот помню как-то...

— ...Примитив!

— Много ты понимаешь!

— Знаю, сейчас вспомнишь, как вы когда-то играли в чертей и ангелов.

— А что? в чертей — забавно, а в ангелов — полезно для людей. Даже Великий Э поощряет эту игру.

— О, нет! В чертей я, пожалуй, еще поиграл бы. Но в ангелов!..

— Ты просто еще маленький.

- А в Бермудский треугольник ты хоть раз играла?
- Как ты можешь! Знаешь ведь, что подобные игры строго запрещены даже в параллельных мирах низшего уровня.
- Мам, ну они же все равно умирают. И притом так быстро.
- Ну и что? Они постепенно разовьются, выделятся из мира грубой материи и...
- Как они выделятся? Они же не могут без этой грубой материи. Нет, они всегда будут жить на мусорной свалке Вселенной.
- Пойми, они просто заигравшиеся дети.
- Инфантильные.
- Может быть. Но у них есть мысль, есть живое поле, и когда-нибудь они обязательно превратятся в высшую, эфирную субстанцию.
- Ну, я полетел?
- Никаких зеленых человечков!
- Тогда: лохнесское чудовище.
- В него теперь тоже играть не рекомендуется.
- Ну, в снежного человека можно, наконец?!
- Хорошо, — сдалась Ин. — Но только в снежного человека и притом высоко в горах.
- Там же нет никого.
- Найди альпинистов. Но не надо ночью засовывать голову в палатку и пугать их диким ревом — это не так смешно и, может быть, не так безопасно, как ты думаешь.
- Ладно.
- И как эти люди так легко верят во что угодно?
- Наверное, им скучно и одиноко в их маленьком и примитивном мирке, — Ют радостно подмигнул яркой фиолетовой вспышкой и, вплотную приблизившись к трансформеру, оказался в зоне синих концентрических кругов, излучаемых висящим в пустоте небольшим черным шаром. Шар резко увеличился и, поглотив Юта, в одно мгновение сжался до прежних размеров. Теперь он ритмично пульсировал, отсчитывая времена.

Ин ждала, несколько волнуясь. Хотя эта игра была знакома ей с раннего детства, она всегда переживала, когда Ют входил в трансформер.

Шар засветился изнутри и снова увеличился. В нем образовался прозрачный круг, в котором Ин увидела заснеженные горы и, на ближнем плане, — лохматое, улыбающееся большим ртом двуногое существо.

— Я готов, — сказал снежный человек.

— А что это у тебя за спиной? Покажи-покажи, не прячь.

— Ну, мама, — смутился Ют и расправил большие перепончатые крылья. — Я хочу быть летающим снежным человеком.

— Ты где это взял?

— Из игры в дракона.

— Перестань людям голову морочить. У них и так мозги набекрень. Надо же меру знать!

Снежный человек насупился. Прозрачный круг сузился и исчез совсем. Внутри шара происходило какое-то движение и слышалось потрескивание. Когда лохматое существо вновь предстало перед Ин, оно было уже без крыльев.

— Ладно, — сказали оно, весело оскалившись. — Не буду летать. Не сердись. Я недолго.

И оставляя за собой глубокие следы, снежный человек вприпрыжку побежал по пушистому чистому снегу. Круг сомкнулся.

Сергей Сметанин

**Зайчонок-ниндзя
(Сказка)**

В далекой Японии, на северном склоне горы Фудзияма, в маленьком домике под сосной родился зайчонок-ниндзя.

В его семье все были зайцами-ниндзя. Поэтому никто не удивился, когда через семь часов после рождения, малыш ударом левой передней лапы пробил большую дыру в деревянной люльке. Потом зайчонок-ниндзя легко оборвал веревку, на которой висела его постель. Он взял свой меч, заложил ножны за спину, выпрыгнул из окна и пошел по дороге в город.

Мимо проезжала грузовая автомашина. Зайчонок-ниндзя мигом запрыгнул в кузов. Там аккуратными рядами стояли корзины с морской рыбой. На дне корзины, сплетенной из ивовых прутьев, лежал маленький золотой краб. Зайчонок-ниндзя взял драгоценную игрушку, полюбовался ей, и спрятал в складках одежды. Вскоре машина пришла в город, и он спрыгнул у первого же светофора. К остановке подошел автобус. Пассажиров было множество. Самоуверенные волки, хитрые лисицы, важные медведи, не говоря уже о белках, ежах и прочей лесной мелочи. Все они потоками выходили и входили в салон. Зайчонок-ниндзя с трудом попал на заднюю площадку.

Двери закрылись, и автобус тронулся в путь. Внутри было так тесно, что на следующей остановке водитель не смог никого выпустить. Двери автобуса не открывались. И тут зайчонок-ниндзя прославился в первый раз. Он ударил острым мечом по автобусной двери, та сложилась и мгновенно раскрылась.

С тех пор вошло в обычай делать складные двери. Таким был первый подвиг зайчонка-ниндзя.

2.

Рядом с автобусной остановкой возвышался забор огромного завода по переработке риса. Как раз туда шел зайчонок-ниндзя. Вот он достал из кармана прочный шнур, к которому была привязана стальная кошка. Бросок — крючья кошки впились в дерево по ту сторону забора. Делом одной минуты было подняться наверх, и соскочить прямо на тележку с рисовой мукой. Но зайчонку нужна была не мука, а горсточка простого риса.

Пройдя по цехам завода, зайчонок-ниндзя видел рабочих и роботов, занятых каждый своим делом. Везде царили чистота и порядок, а во внутреннем дворике находился летний сад с бассейном и цветником. Но цветы почему-то не росли, вяли сразу же после поливки. Розовые кусты меняли на тюльпаны и гладиолусы, пробовали даже вырастить кактус — все бесполезно.

Однако зайчонок-ниндзя догадался в чем тут дело. Растениям явно что-то мешало. В песчаной почве под главной клумбой спряталась гигантская редька. Зайчонок-ниндзя обкопал ее со всех сторон и выдернул на поверхность. Оказалось, что это редька высотой с двухметровый заводской забор.

Яму засыпали песком, а на клумбе сразу же принялись все розы, тюльпаны и кактусы. Редька же оказалась на редкость вкусной. Благодаря подвигу зайчонка-ниндзя по всей Японии стали готовить новые блюда. Рабочие завода насыпали в небольшой мешок самого отборного риса, для того, чтобы дать герою. Этот мешочек нашел свое место рядом с золотым крабом.

А потом зайчонок-ниндзя незаметно исчез. И по улицам города шел он тайно навстречу третьему приключению.

3.

Ранним утром наш герой спустился к берегу моря. В одиночестве начал он играть с золотым крабом.

Он бросал краба в воду, и доставал, ныряя с открытыми глазами. Вдруг он увидел — издалека надвигается волна-циунами. Казалось, что гребень ее вот-вот достанет небо — такая она была огромная.

Волна прошла вдоль берега наискосок, окатив зайчонка с головы до хвоста. Он долго смотрел вслед, а потом решил зарисовать ее для памяти. Так родилась картина "Волна". Позже ее приписывали знаменитому японскому художнику Хокусаи.

Когда зайчонок-ниндзя повернулся к берегу, чтобы взять одежду, над его ушами просвистела пуля. Невидимые из-за кустов разбойники начали обстреливать его, чтобы убить и завладеть золотым крабом. Уши были спасены только благодаря быстрому бегу зайца. Но и в густых зарослях прибрежного леса нельзя было чувствовать себя в безопасности.

Разбойники догоняли. Среди них заметно выделялся неукротимый тигр-людоед по кличке Полтора глаза. Правый глаз его был навсегда прищурен из-за врожденной привычки подмигивать. От этого страдала вся его правая сторона: он плохо видел предметы с этого бока, натыкался на них при ходьбе, даже на хвосте шерсть вылезла с правой стороны. Зато, стреляя, промахивался он только влево.

— Лови зайца! — орал Полтора глаза. Лес редел, и погоня встала перед каменной стеной толщиной в несколько метров.

— Заяц-ниндзя прошел сквозь стену! Заяц-ниндзя прошел сквозь стену! — визжали разбойники. В самом деле, зайчонок-ниндзя находился по другую сторону стены, но оказался там так: быстро надел на передние лапы стальные когти, затем, поочередно втыкая их в мягкий пористый камень, поднялся на

самый верх, и спустился по ту сторону ловко словно белка.

К удивлению зайчонка-ниндзя за стеной продолжался тот же самый лес. Он был, кажется, даже гуще и страшнее. Там ждал нашего героя его четвертый подвиг.

4.

Даже с самой высокой части стены разбойники не могли видеть зайчонка-ниндзя. Но у них обнаружилась помощница. Предательница-сорока рассказала им, что видела зайчонка в ельнике. "Зайчонок-ниндзя набрал целый мешок зеленых еловых шишек!" Полтора глаза взял болтливую птицу к себе на службу. Теперь она должна была выслеживать, что делает зайчонок-ниндзя. Разбойники обещали ей платить за это тысячу монет в год.

А между тем зайчонок-ниндзя ловил рыбу на скалистой площадке речного берега. Рыболовные снасти он всегда носил с собой. Ему не хватало только удилища, но для замены отыскалась хорошая ветка. Грузило ниндзя сделал, откусив кусочек свинцовой пули. Из пойманного тут же кузнецика получилась превосходная наживка.

Вскоре на камне трепыхалась рыбина, блестя серебряной чешуей. Она сорвалась с крючка и могла уйти. Зайчонок-ниндзя схватил ее за жабры у самой воды.

Под каменистой кручей берега нашлась небольшая пещера. В нее никогда не заглядывало солнце. Внутри было так холодно, что в самые жаркие дни лета не таял лед, оставшийся с февраля.

Несколько ударами каратэ зайчонок разбил на куски большую каменную плиту. Из этих камней он сделал сундук и набил его холодным, прозрачным льдом. Рыбу зайчонок ниндзя разрезал вдоль живота, и, вынув внутренности, заменил их

кубиками льда. Так был изобретен первый в мире холодильник.

Вдруг зайчонок-ниндзя насторожился и прислушался. Он издалека слышал то, что могло стать его пятым приключением.

5.

Предательница-сорока привела к пещере разбойников. Они подкрадывались к берегу с разных сторон, чтобы окружить и схватить зайчонка-ниндзя.

Наконец все разбойники собрались у скалистой площадки. Несколько шагов отделяло их от ниндзя. Казалось, они могут схватить его, ведь зайчонок сидел на самом обрыве, свесив задние лапы, и не оглядывался.

Но стоило тигру ступить на открытое место, как прямо у его ног рассыпался мешок еловых шишек. Полтора глаза не смог устоять, хотя и размахивал отчаянно лапами и хвостом.

Разбойники повалились друг на друга, образуя кучу-малу. Где уж им было уследить за зайчонком-ниндзя! Тот как будто испарился. Кряхтя, потирая лапами ушибы, разбойники обыскали весь берег, заглянули в каждую трещину. Зайчонка нигде не было.

Где же этот чертов заяц? — вопили разбойники. — Он опять ушел от нас! — А тем временем зайчонок-ниндзя находился в двух шагах от них. Он преспокойно сидел в воде, высунув на поверхность срез камышовой трубки. Через нее можно было дышать и слышать, что происходило на берегу. Только мальчики мешали ему. Подплывая совсем близко, они пощипывали его губами. Но зайчонок-ниндзя решил не обращать на них никакого внимания.

Вечером, когда стало темнеть, он выбрался на берег чуть ниже по течению. Зайчонок-ниндзя чувствовал, что скоро ему предстоит решающий

бой, поэтому постарался найти место подходящее для ночлега. Самое главное, чтобы вокруг него росло побольше колючего кустарника. Семьдесят метров сплошных колючек — это была надежная защита от любой ночной атаки. Поэтому всю ночь зайчонок-ниндзя проспал очень спокойно. Он даже разулыбался во сне, счастливчик.

Когда сквозь колючие кусты пробился первый луч утреннего солнца, зайчонок-ниндзя уже бодро упражнялся по системе китайской борьбы ушу. Он готовился достойно встретить шестое приключение.

6.

Кто бы мог подумать — у зайчонка-ниндзя появился двойник! Это разбойники смастерили похожую на него куклу. Всюду носили они ее с собой, чтобы звери поверили: зайчонок-ниндзя тоже стал разбойником.

Поздним вечером на привале тигр Полтора глаза и другие разбойники собрались у костра.

— В прошлом году мы ограбили три банка, — сказал атаман. — А в этом еще ни одного. План у меня давно готов. Ограбим банк, а везде будем оставлять заячью следы. Никто не забыл, что у зайца при беге задние лапы впереди передних? По следам полиция поймет, что преступник — ниндзя. Пусть он погрызет сухие веточки в тюрьме. — Разбойники весело засмеялись и затопали ногами:

— Так ему и надо! Тогда и выбросим, наконец, эту проклятую куклу!

После совещания разбойники завалились спать. Они выставили охрану, которая сменялась каждые два часа. Костер то затухал, то вспыхивал снова, пуская вверх роящиеся золотые искры.

— Тихо, слушай! — схватил вдруг за лапу часового другой разбойник. — Слышишь? — оба притихли, затаив дыхание, и, правда, через минуту послышался какой-то рокот.

— Мотоцикл приближается. Хонда или Судзуки. Точно, Хонда! — сказал первый.

— Нет, это не Хонда, — стал спорить второй,
— Это речной катер приближается к повороту. — Они долго прислушивались к ночной темноте, покуда не догадались: "Тьфу! Да ведь это храпит наш дикий кабан Хрюкадо!"

Под утро, когда вершину ближайшей горы позолотило восходящее солнце, разбойники проснулись. Полтора глаза провёл перекличку:

— Волк Токобуро!

— Я!

— Лиса Курохава!

— Здесь!

— Кабан Хрюкадо!

— Тут! —

И только разбойники пересчитались, как что-то невидимое просвистело в воздухе.

— У-у-у-у! — завыл Токобуро. Восьмиконечный нож-звездочка впился ему в щеку, выбив два коренных зуба.

— А-а-а-а! — зарыдала рыжая плутовка Курохава, задние лапы которой запутались в кем-то ловко наброшенной веревке. Роскошный хвост разбойницы попал в самую середину костра, где обуглился в одну секунду.

Мрачно пыхтя, забегал вокруг Хрюкадо. Он еще не знал, что делает последние шаги на этом свете. Совсем не больно уколола его отправленная колючка, на которую он наступил раздвоенным копытом.

А тигру Полтора глаза пришлось очень плохо. Перед ним плыли разноцветные круги, ноги его подгибались, а подслеповатый правый глаз совсем закрылся. Напоследок успел он увидеть, что кукла пропала. На самом деле это была вовсе не кукла. Несколько дней разбойники носили с собой настоящего зайчонка-ниндзя, который только притворялся куклой.

А ночью, когда все спали, он подготовился к последнему бою.

Так закончились приключения зайчонка-ниндзя. вскоре он вернулся домой, и стал жить со своей семьей.

Олег Рихтер

Завистливый мужик

Жил в одной деревне мужик, всему люду завидовал, а пуще всего — соседу своему.

Увидит, что тот колодец у себя вырыл глубиною в пять аршин — и тоже роет, но на десять аршин; заметит, что сосед на мельницу пуд зерна поволок — и тут же в обгон бежит, но с двумя пудами; услышит, что он задумал козу купить — запрыгнет в бричку и в город на базар едет, чтобы две козы приобрести.

Вырос как-то богатый урожай пшеницы. Радуются деревенские, засыпают зерно в закрома и песни поют. А завистливому мужику не в радость все это: кажется ему, что у других лучше урожай, а у соседа и того больше. Злился он, злился, думал он думал, какую бы пакость сотворить, и надумал — стал у себя мышкой ловить и соседу в закрома запускать: авось у того поубавится.

Поймал он однажды мышку, а та и говорит ему: "Я мышка не простая, а двоякая. Не допускай меня к пшенице соседа: съем я у него долю, а у тебя на золотник убавится. Смекнул завистник так и сяк, и приказывает мышке: "Ешь скоре мое зерно, да без остатка, чтобы и у моего соседа по сусекам опустело". Выполнила она приказ — и заголодали оба соседа. От голода завистливый мужик и совсем злющим стал. Говорит мышке: "Что толку, что у соседа закрома пусты? Он когда по деревне идет, всяк его угождает жалеючи, а меня никому не жалко. Прибью я тебя!"

Взмолилась мышка: "Не прибивай! Я ведь мышка не простая, могу любое твое желание выполнить. Но не забудь: если мешок денег попросишь, то у соседа вдвое больше появится, и так все остальное." Подумал, подумал завистливый мужик и говорит: "Не нужно мне никакого блага,

коль соседу от этого лучше станет. А сделай-ка вот что: ослепи меня на одно око".

Ослепила его мышка на одно око, а сосед тут же на два ока ослеп. А как ослеп, так и выбрался ощупью из избы, сел на завалинку, вылупил бельма и заплакал.

Смотрит на него злыдень одним глазом и радуется чужому горю. Порадовался, порадовался, глянул на себя в зеркало и почернел от злости. Говорит мышке: "Что толку, что сосед на оба ока ослеп? Как сядет он на завалинку, так всяк ему угощение несет жалеючи, а меня одноглазого никому не жалко. Прибью я тебя!"

Взмолилась мышка: "Не прибивай! Я ведь мышка не простая, а двоякая! Я могу любое твое желание исполнить. Но не забудь: чего попросишь ты — того у соседа вдвое больше появится". Подумал, подумал завистливый мужик и решил хитростью взять.

"Поди-ка, ты, говорит, к слепцу с бельмами да надоумь его попросить мешок денег и с людьми за угощение расплатиться. Но не открывай ему секрета, что двоякая ты".

Отпустил он мышку и размышляет: "То-то я теперь разбогатею всем на зависть. Тот дурень раздаст денежки, а у меня их два мешка останется".

Выполнила мышка приказ, пришла к соседу и говорит: "Это я тебя, мил человек, без хлеба оставила. Но я мышка не простая, могу любое твое желание выполнить.

Попроси денег мешок, чтобы с людьми за угощение рассчитаться". И ответил мышке горемыка-слепой: "То, что я без хлебушка остался, так это четверть беды. Прощаю я тебя за правду. То, что я слепцом стал, так это половина беды. Стала мне ясна доброта людская. Если стану я мерить эту доброту на деньги, обижу тем людей — вот полная беда будет. Лучше отбери у меняолжизни и раздай ее тем, кто мне хлебушек носил".

Только сказал так — как по соседству, будто пес на издыхании провыл, а у самого оба ока прозрели. Глянул он на сторону — а там завистливый мужик лежит, заглянул в закрома — а там полным-полно пшеницы, пошарил взглядом по углам в избе — а там бочонок меда стоит. Говорит он мышке: "Оставайся у меня жить". И стали они жить в одном доме: мужик над полом, а мышка под полом.

Я там был, из той бочки мед пил, и мышку видел.

Александр Козловский

**Семинар
(зарисовка с натуры)**

*Служенье муз не терпит суеты
А.С. Пушкин*

Бог ты мой! Что ж это такое? Общежитие московского литературного института кипит как муравейник. И это во время каникул! Всюду снуют какие-то люди самых разных возрастов и комплекций. Женщин мало, все больше мужчины. Тут и там сбиваются в кучки по три-четыре человека, интенсивно размахивая руками о чем-то спорят, кричат, что-то доказывают друг другу. Прислушиваясь к их разговорам, постепенно начинаю понимать, в чем дело.

Возликуйте музы! Возрадуйтесь люди! Возрадуюсь и я, ибо являюсь свидетелем, прямо скажем, события грандиозного: завтра открывается очередной всесоюзный, точнее уже первый всероссийский съезд молодых литераторов. И неважно, что у большинства из них виски и бороды (бог мой, что ж за поэт без бороды?!) покрыты инеем времени. Не беда. Что значит для нас время. Как поется в застойной песне, главное, ребята, сердцем не стареть!

Кого тут только нет. И все гении. И все непризнанные. Пока. Вот у окна слышится кавказский акцент:

— Затем не можэт он, что...

Кто, чего и почему не может, понять не успеваю, ибо внимание мое отвлечено другим.

На противоположном конце коридора среди довольно значительной толпы собратьев по перу выделяется бородач лет эдак сорока пяти. Орел-мужчина. Правда ростом он не вышел, но зато голос

какой: по всему общежитию разливается могучей волной! А его счастливый обладатель, степенно сложив руки на весьма внушительном животе, объясняет всем:

— Я — Валерий Куницын, заместитель главного редактора областной Иркутской газеты. Я тут им всем покажу! Вот, слушайте:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял.
Я увидел, как осень зажгла краснотал.*

Вот уж воистину: "И мы пришли. И принял нас Куницын".

— Ну, как?! — смотрит он на слушателей с таким видом, что не согласиться с ним просто нельзя.

— Здорово, — восхищаются они.

Один из них делает попытку привлечь внимание к себе:

— А вот послушайте, как у меня...

Но заместитель главного редактора не дает ему договорить.

— Нет, погоди. Ты все понял?!? Ты вдумайся, как я проникновенно отметил: "Осень зажгла краснотал". А эти козлы... Ну, ничего, я им всем докажу. "Осень зажгла краснотал", — еще раз декламирует он, — меня все знают. А эти... (Тут кто-то из слушателей позволяет себе усомниться) Не верите? А вот сейчас у первого встречного спросим: "Кто такой Валерий Куницын?" Он вам скажет.

Первым встречным на свою беду оказываюсь я: бородач стоит как раз в той части коридора, через которую мне нужно пройти. Не очень-то вежливо он берет меня за пуговицу и громогласным голосом спрашивает:

— Ты знаешь, кто я такой?

Настроен он весьма агрессивно, а пуговицы жаль (с корнем ведь, гад, оторвет). Стараюсь его успокоить:

— Конечно же, знаю. Вы — Валерий Куницын.

Лицо его расплывается в довольной улыбке:

— Вот, что я говорил, — заявляет он изумленным гениям.

Пуговица спасена, но лицо Куницына вдруг омрачает какая-то тень.

— А откуда ты знаешь? — подозрительно спрашивает он и вновь пытается схватиться за пуговицу.

Но на этот раз я начеку. Отвожу его руку в сторону и как можно добродушнее говорю:

— Ну, кто же не знает Валерия Куницына, заместителя главного редактора областной иркутской газеты. Я даже стихи ваши читал. Одно особенно понравилось. Что-то там про краснотал.

Восторгу Куницына нет предела. Он по братски обнимает меня за плечи и в порыве вдохновения читает:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял.
Я увидел, как осень зажгла краснотал!*

Стучу в нужную мне дверь. Никого нет. Стучусь в соседнюю. На пороге появляется какая-то зевающая физиономия. Протирая глаза, жестом предлагает войти. Да, неприятная получается ситуация: тот, у кого я хотел остановиться, оказывается, пару дней назад сам уехал куда-то. Сосед предлагает остаться у него, но в комнате у них и так три человека, поэтому вежливо откланиваюсь. Остается гостиница. А при моих финансах это совсем нежелательно.

Медленно возвращаюсь назад. Кто-то дружески хлопает меня по плечу:

— Как настроение?

Поднимаю глаза: зам. главного редактора Иркутской газеты Валерий Куницын собственной персоной.

— Да ничего хорошего.

— То-то я и гляжу, что ты какой-то кислый. А что случилось?

— Да вот, подумалось вдруг о несправедливости природы. У кого-то талант, а кому-то оставаться бездарем.

— Ничего, — великодушно утешает он меня, — может со временем и у тебя что-нибудь путное получится, как у меня:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял
Я увидел, как осень зажгла краснотал!*

Спускаюсь на первый этаж. На площадке дорогу мне преграждает какой-то пьяный мужик. Настроение у меня хреновое, поэтому довольно грубо отталкиваю его.

— Что тебе нужно?

Пошатываясь, он подбирает слова:

— За — закурить е... есть?

И вдруг остолбенело смотрит на меня. Я ошарашен не меньше.

— Саня! — кричит он.

— Серега! — кричу я.

Встреча на Эльбе! Объятия и рукопожатия. Встретить в чужом городе такого хорошего знакомого. Это вам не что-нибудь.

— Ты у кого в семинаре? — спрашивает он меня. — Я у Старшинова. Знаешь, я тебе скажу (он понижает голос), ну и козлы тут все! Рукописи и не смотрели!.. Ну ладно, я им всем докажу. Докажу! (тут он грозит кому-то невидимому пальцем). Мы, тюменцы, докажем, — он пошатнулся, — ты, я, Витька. Это не местные графоманы. Ты у кого?

С грехом пополам удается ему объяснить, что к семинару я никакого отношения не имею, что в Москве по своим делам, что хотел на несколько дней приземлиться у приятеля, а его нет дома, и вот теперь иду в гостиницу. Серега не желает ничего слушать.

— На хрена тебе гостиница? Айда к нам. Скажем, ты на семинар.

"В самом деле, — рассуждаю я, — в таком бардаке сам черт ногу сломит. Прокатит как-нибудь".

Снова поднимаемся наверх. Впереди Серега, ворча что-то про "этих козлов", сзади молча, я. Вот и третий этаж, на три дня отданный на растерзание непризнанным гениям. Из дальнего угла слышится знакомый зычный голос — это Валерий Куницин читает свои бессмертные творения. Стихи те же, но слушатели уже другие.

Серега толкает одну из дверей:

— Вот тут мы и живем.

Показывает на свободную койку, что-то говорит сидящему на своей кровати Вите Захарченко, который почему-то смотрит на меня, как Ленин на мировой имперализм, потом громко хлопает дверью и убегает куда-то доказывать "этим козлам", что он не кто-нибудь.

Вечер следующего дня. Уставший от походов по столице блаженно растягиваюсь на кровати и смотрю в пыльный потолок, перевариваю впечатления. В общежитии подозрительно тихо. Впрочем, нет ничего в этом удивительного: очники разъехались на каникулы, у семинаристов — совещание. На душе моей спокойствие и благодать, даже не замечаю разбросанных по полу окурков. Клочки бумаги и прочего мусора. Обстановка же, прямо скажем, оставляет, мягко говоря, желать лучшего, что в нашей комнате, что во всем общежитии: на стенах вместо обоев какие-то непонятные клочки разноцветной бумаги, как на выставке авангардного искусства, штукатурка местами осыпалась. В туалете нет ни одного целого "очка", сорваны краны. Но все это ерунда. Суть тут не в этом. Главное — здесь витает дух творчества. Говорят, что в комнате нашей жил Николай Рубцов. И становится даже немного досадно, что не стал здесь учиться, что не участвую в семинаре. Ловлю себя на мысли, что ведь и сам бы вот так же с кем-то спорил, кому-то что-то доказывал.

На лестнице звучат шаги. Еще, еще. Вот они и возвращаются, непризнанные гении. Раскрывается дверь, вваливается Серега, за ним входит Захарченко.

— Нет, ты только представь, какие козлы, — Серега берет меня за рукав; от него разит водкой, чесноком и еще непонятно чем, — Скоты продажные. Но я им всем доказал. И еще докажу!

Слышится, как в коридоре кто-то читает стихи.

Серега разошелся не на шутку. Он выхватывает из портфеля рукопись:

— И этим тоже докажу, — грозно потрясает ей и исчезает за дверью.

В комнате нашей на время воцаряется покой. Мы с Виктором завариваем чай, сидим разговариваем. Захарченко от остальных семинаристов, хочет он того или нет, но все же отличается: почти не пьет, в дебатах не участвует, и вообще как-то в стороне держится; чувствуется в нем какая-то крестьянская рассудительность: вы как хотите, а мы сперва поглядим, что тут к чему, а уж потом... Наверняка, у остальных это вызывает если не подозрение, то недоумение, по крайней мере. И еще одна маленькая деталь: оказывается, чтобы познакомиться с человеком, о котором был таки наслышан, требуется съездить в Москву. До этого нам с Виктором встречаться не доводилось, и вот теперь, когда его подозрения относительно моей не внушающей доверия личности (от Горбунова жди одних неприятностей, привел какого-то прощелыгу) мало-помалу рассеялись, мы, как кажется, проникнувшись взаимными симпатиями, довольно интересно беседуем.

Но нет, беседа наша не может продолжаться долго. В коридоре слышится топот, пол содрогается, дверь распахивается от удара ногой. В комнату вваливается толпа. Воздух наполняется невообразимой смесью вино — водочных, ликерных, пивных и других, бог весть каких, запахов. Впереди всех, размахивая потрепанной, ставшей похожей на

стопку использованных салфеток, рукописью, выкрикивая что-то непонятное, но довольно грозное, шествует Серега. За ним следом человек десять незнакомцев. Хотя нет. Один из них мне уже знаком. Ну, конечно же, вы угадали. Он открывает рот, и посуда на нашем столе начинает пузанивать в такт:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял.
Я увидел, как осень зажгла краснотал.*

Валерий Куницын, поэт!" — представляется он и для большей убедительности стучит себя ладонью в грудь; хлопок получается довольно звонким.

Народ дружно аплодирует. Куницын доволен, с осознанием оказанного его персоне должного внимания, он спускается с высот Парнаса и на радостях декламирует еще раз:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял.
Я увидел, как осень зажгла краснотал.*

На этот раз выступление заместителя главного редактора сопровождается столь бурными аплодисментами, что он умолкает. Но не надолго.

— А знаете, как меня бабы любят, — заявляет он вдруг. — Стоит мне лишь стихи прочитать, и готово. Вот тут недавно подсела ко мне одна в электричке, неспроста, места-то свободные были, разговорились, познакомились. Я ей и давай наяривать:

*Я мальчишкой безусым у леса стоял.
Я увидел, как осень зажгла краснотал.*

Она смотрит на меня во все глаза, по лицу видно — отдастся готова. Больно нужно! Не пользуюсь я таким способом, искусство — вещь высокая.

Разговоры не смолкают. Звенят сдвигаемые стаканы, гомон, шум, выкрики, топот. Лежу, слушаю и удивляюсь человеческой фантазии. Велик Гоголь. Видимо в каждом из нас живет свой Хлестаков. И ведь наверняка большинство в этот момент и впрямь сами искренне верят во все, что говорят.

Серега, воспользовавшись тем, что на него почему-то перестали обращать внимание, шепчет мне на ухо:

— Я им, козлам, доказал, — и потрясает рукописью, — как начал читать, они аж рты пораскрывали.

Пальцы его плохо слушаются, рукопись разлетается по комнате. Но Серега выше этого, брезгливо отталкивает ногой упавшие у кровати листы:

— Еще напишу. Ты... это... — заговорщически подмигивает он мне, — я им тут сказал, что я капитан спецназа. Так ты подтверди.

— Хорошо, — соглашаюсь я, — скажу, что вместе работаем...

— Нет, что ты, — испуганно перебивает он, — про тебя я сказал, ты — моряк, — и он тычет в мою тельняшку пальцем.

— Хорошо, моряк, так моряк, — и хоть плавать я не умею, мне уже, признаться, все равно. — А кто же тогда Витька?

— Он буддист и доктор рефлексотерапии, потому что все время в стороне ото всех, сам себе на уме. Сейчас я ему скажу, а то он еще об этом не знает.

Серега встает, но вместо того, чтобы подойти к Захарченко:

— Мужики! — кричит он всем.

Его не слышат.

— Мужики!! — кричит он снова, и ему удается сделать невероятное — заглушить голос Куницына, читающего про краснотал.

Наступает тишина.

— Мужики, — говорит он, пошатываясь, — а ведь все кончилось. Надо бы купить сходить.

Такое предложение в среде непризнанных гениев проходит единогласно. Но встает вопрос, где купить в два часа ночи: метро уже не работает, аочных ларьков поблизости нет. Наконец, кто-то вспоминает о вьетнамском общежитии. "Да здравствует международная солидарность трудящихся! Алкоголики всех стран объединяйтесь!" — раздаются радостные возгласы. Остается только найти добровольцев. Выясняется, что такое важное дело нельзя поручить какому-нибудь растилю. Деньги вручаются храброму капитану спецназа Сереге. Но поскольку отважный капитан не особо твердо стоит на ногах, в помощь ему определяется не кто-нибудь, а сам Валерий Куницын.

— Все будет как по маслу, — заверяет всех поэт и заместитель главного редактора, — знаете, я просто говорить не хотел. А ведь я бывший майор КГБ (тут он громко икает) и этот... как его... кунфуист, — тут он резко машет руками, издает пронзительный крик "кий-я-я", слышимый, по меньшей мере, на двух соседних улицах, и дрыгает ногой.

Нога его замирает где-то на уровне колена, зато объемный живот заместителя главного редактора совершаet какие-то немыслимые колебания, как у героини индийского кинофильма. Это настолько впечатляет, что "мужики" больше не сомневаются — деньги их в надежных руках. Счастливый Куницын, читая свои гениальные стихи про краснотал, вслед за Серегой исчезает в темном Коридоре.

На какое-то мгновение мне кажется, что на сегодня все, слава богу, закончилось. Но как я ошибся! Народ расходиться и не думает. Снова комната наполняется гомоном не то спорящих, не то восхваляющих друг друга талантов.

Один из них подсаживается ко мне на кровать. Он невысок, худощав, смугловат, голос его какой-то вкрадчиво-сладкий:

— А, знаете, я вас прекрасно понимаю. Вам не нравиться весь этот гвалт. Мне, признаюсь, тоже. Вы у кого в семинаре? Меня (ик!) Альберт зовут.

Чтобы не вдаваться в долгие объяснения по поводу уехавшего приятеля, называю имя одного из руководителей.

Альберт удивлен:

— И я у него. Знаете, я вас я не видел почему-то. А знаете что, почитайте мне свои стихи, пожалуйста.

Час от часу не легче! Пытаюсь отнекиваться:

— Да вы знаете, я плохо читаю.

— Ничего, — успокаивает он, — я пойму.

Делать нечего, стараясь придерживаться определенного ритма, начинаю говорить первое, что приходит на ум:

*Bom и все,
ухожжу.
Помашу на прощанье
с пригорка,
оглянувшись на миг...*

В голове мысль: "Что за бред я несу?!"

*... непонятные слезы сдержан.
И увижу,
как смотрит мне вслед
умирающий дом мой... —*

чем дальше читаю, тем все бездарней себе кажусь — экспромт явно не ладится.

Альберт сидит, облокотившись на спинку кровати, прикрыв глаза; и неясно, слушает он меня, или же просто дремлет.

... Bom и все — ухожжу. —

с облегчением заканчиваю я свой монолог, и, чтобы не отличаться от остальных семинаристов, спрашиваю с надеждой в голосе:

— Ну, как?

Он открывает глаза, долго, внимательно смотрит на меня и, наконец, говорит:

— А знаете, вы не обидитесь, если я скажу... Очень даже ничего. Мне понравилось. Ритм, каков. Да и слова... слова (ик!) хорошие. Меня Альберт зовут. А знаете, не хотите ли выпить?

— Да я не пью водку.

— А знаете, у меня есть очень хороший вермут, венгерский. Пойдемте ко мне.

В конце концов, я соглашаюсь. Мы идем в комнату напротив. Она донельзя похожа на нашу: такой же мусор на полу, такие же старые разбитые кровати, такие же грязные клочки обоев на стенах.

В углу у окна на кровати, завернувшись с головой в одеяло, спит какой-то человек. Альберт подносит палец к губам:

— Т-сс. Не надо будить. Знаете, это Володя, он у нас священник. Он это осуждает.

Альберт извлекает откуда-то литровую бутылку венгерского вермута, наливает в граненый стакан и протягивает мне:

— Вот, пожалуйста.

— А вы?

— Спасибо, мне уже хватит. Да вы пейте, пейте. Вот только, знаете, закусывать у меня нечем — ребята все съели. А, знаете, почитайте мне еще что-нибудь.

— Да как-то из головы все вылетело, — отказываюсь я.

На этот раз Альберт не настаивает.

— Ну, тогда я вам почитаю. Можно? — почему-то робко спрашивает он.

Жаль огорчать такого радушного хозяина.

— Конечно, читайте.

Я пью вермут. Альберт читает стихи. С отсутствующим видом смотрю на ползущего по потолку жирного коричневого таракана. Интересно, свалится он или нет? Чуть слышный шлепок. Упал-таки, и прямо к моим ногам. Носком ботинка с хрустом раздавливаю его.

— Ну, как? — спрашивает Альберт, — вам понравилось?

Стихи так себе, но вермут очень даже ничего.

— Понравилось. Особенно образ: "столбы висят на проводах". Это, скажу вам, находка.

Альберт на седьмом небе.

— Ну, тогда, знаете, я вам еще почитаю.

— Конечно, конечно.

Потягиваю вермут, слушаю Альбера и с удивлением замечаю, что с каждым глотком вина стихи его мне нравятся все больше и больше, да и мои собственныйный экспромт уже не кажется таким плохим. Альберт заканчивает декламацию. Я пожимаю ему руку, и мы пьем с ним на брудершафт.

В коридоре слышится какое-то шабаркание — будто кошка скребется, и в комнату входит особа неопределенного возраста. Вид у нее довольно потасканный, волосы растрепаны, под глазами не то размазанные тени, не то синяки. С одинаковой уверенностью ей можно дать и двадцать пять и пятьдесят. Впрочем, женщины, как и поэты — это существа мне времени.

— Это — Саша. А это — Лена, поэтесса, — знакомит нас Альберт, — она о любви пишет. Почитай нам что-нибудь, Леночка.

Наливаем ей вермута. Она залпом осушает полстакана, закрывает глаза, запрокидывает голову, и голосом, напоминающим вой голодной волчицы, выводит:

*Черная распахнутая блузка.
В темноте пиковой желтый...*

Дослушать ее не удается. В комнату врывается народ.

— Ах, вот они где сидят!

— Втихушку сидят!

— Нет уж, пойдемте с нами.

И с этими словами Альбертова бутылка с остатками вермута оказывается в их цепких руках.

Люди скрываются в коридоре, обернувшись напоследок, один из них приглашает

— Ишь, какие. А ну пойдем к нам!

— Знаете, придется идти, — покорно соглашается Альберт и печально. — Вот так всегда у меня бывает. Земляки, что поделаешь. А вы пойдете.

— Да нет. Спасибо, что-то неважко себя чувствую.

Вновь я в своей комнате. Посторонних, слава богу, уже никого нет. Витя спит. Запираюсь, выключаю свет. Лежу с закрытыми глазами, пытаюсь заснуть. Но не тут то было. Кто-то начинает настойчиво ломиться в дверь. Открываю. На пороге — Серега. Я совсем про него и забыл. Вид у храброго капитана спецназа самый, что ни на есть, воинственный: воротник рубашки разорван, волосы взъерошены, от него пахнет паленым.

— Свинья! — заявляет он с ходу. — Сволочь! Скотина продажная!

Непонимающее смотрю на него:

— Постой, это ты про кого?

— Свинья! — еще раз повторяет Серега и грозит непонятно кому кулаком. — А еще заместитель главного редактора. Нет, ты представь, я его ищу, думаю, пропал куда! С ментами дерусь, выручить хочу, а он, трус, сбежал.

— Что такое? Да ты хоть объясни толком, — не могу понять я.

— Да Куницын — предатель. Руки ему больше не подам. Я его в общаге вьетнамской внизу оставил, на случай, если менты. Сам пошел покупать. Спускаюсь вниз — менты. А его нет нигде. Думал, он с ними подрался, раз кунфуист. Выяснить стал. Самого меня суть не забрали, вон рубаху порвали всю. Я бегом сюда, думаю, народ надо собирать, вызволять человека. А он тут уже ошивается. Удрал. Одного меня бросил. Стихи читает. Свинья!

Из коридора доносится:

Я мальчишкой безусым у леса стоял!

— Свинья. Тыфу.

Утро, десять часов. Общежитие литературного института опустело, как ему и положено в разгар каникул. Семинар завершен, и семинаристы в большинстве своем уже разъехались. Да и мне пора уезжать. Иду по коридору и мысленно прощаюсь с этим гостеприимным зданием. Вдруг кто-то громко окликает меня по имени. Оборачиваюсь: Валерий Куницын во всей своей красе, он чисто выбрит, в модном костюме цвета воронова крыла, с широким цветастым галстуком удобно разместившимся на объемном животе заместителя редактора.

— Ну, ты как, домой?

— Домой.

— Ты это, пиши (с этими словами он сует мне визитку). И свой адрес давай. ("Паркером" записывает в здоровенный блокнот в коричневом кожаном переплете). Скоро у меня книга выходит. Вышлю.

— Конечно. Обязательно высылайте. Такие стихи!

Я мальчишкой безусым у леса стоял.

Я увидел, как осень зажгла краснотал,

— цитирую я бессмертное творение заместителя главного редактора.

— Да, — довольно говорит он, — запомнил. И другие запомнят! Вот только извини, но читать ты не умеешь. Не слышится у тебя чувство. Разве так читают. Вот как надо:

Я мальчишкой безусым у леса стоял!

Я увидел, как осень зажгла краснотал!

— Валерий Куницын! — стучит он себя ладонью в грудь.

Голос его разливается по всей Москве!

Захлопывается за спиной входная дверь.

Метро.

Электричка.

Казанский вокзал.

Прокуренный тамбур вагона.

Сквозь заляпанное стекло смотрю, как растворяются вдали очертания столицы. Прощай, Москва. Немного грустно на душе... Слушаю, как стучат размеренно чугунные колеса, ритм их напоминает мне до боли что-то знакомое. Ну, конечно же, как я сразу не сообразил:

Я мальчишкой безусым у леса стоял.

Я увидел, как осень зажгла краснотал...

1994 г.

Зинаида Богданова

Поезда дальнего следования

Пятигорск. 1991 год. Раскаленный августовский день тихо струился, снимая дремотную скороговорку крупнолистья старых привокзальных деревьев. Почти бесшумно, подминая серебро стальных нитей, как-то бочком, подкатил поезд.

— Ну, вот и все! — выдохнул Владимир Иванович слегка наклоняясь, пряча под шляпой лицо, раскрасневшееся не только от жары, неловко выковыривая носком туфли серо-розовый камушек, втоптанный в мягкий асфальт. Город буквально плавился под солнцем, зависшим в синеве.

— Генерал, генерал, что с вами? — шучу я, заглядывая под шляпу.

— Елена Васильевна, а может вечерним поездом, а? Побродим по городу, я провожу вас.

— Что-о вы?! Билет-то у меня заказной, от Пятигорска до самого дома, с московским компостером уже.

— Оформим заново... к военкому заглянем, а?

— Нет-нет... Я напишу вам, Владимир Иванович, обязательно напишу.

Владимир Иванович, будучи человеком военным, козырнув, круто развернулся, не оглядываясь, зашагал в сторону привокзальной автостоянки. Я загрустила,— вот опять, не успела встретить человека — потеряла...

— В вагон будете заходить? Или роман курортный догонять?

— Да-да... конечно.

— Что-то забыли? Билет ваш...

В плацкартном купе чисто, уютно и не жарко, нижняя полочка — удобно! И от выхода недалеко. Легкие подрагивания вагона дают понять — поехали... За окном медленно поплыли густые зеленые массивы, укрывшие холмистую местность, и

проводы, провода, провода... На душе как-то неспокойно, тоскливо... Может — расставание с хорошим человеком — навсегда? Мне в жизни, вообще-то, везет на таких людей, догадывалась ведь кто он. А тут еще и друг, по моему чутью — скорее сослуживец, как в подтверждение, координаты его, негласно, подкинул; значит, дела требуют не под своим именем по Земле ходить. Еще и слухи по городу ползут, то ли нашли, то ли ищут взрывчатку, где мол «Сталина», смотрящего с сопки на окрестности, кто-то взорвать хочет... А зачем, собственно?... Тягуче тянется думье... Вот и первая остановка. Пассажиров много. Последней в тамбур поднимается пожилая чеченка. Сильными крупными руками она втягивает в вагон тюки, расталкивает, распихивает их куда может, причем совершенно никого не замечая, никого ни о чем не спрашивая. Угомонившись, подоткнув концы черного платка у подбородка, обвела всех тяжелым взглядом, остановилась на мне. Бесцеремонно толкнув в бок локтем, заставила подвинуться, хотя места свободного рядом предостаточно. Отвернувшись к окну, подперев рукой голову, я забыла о соседке, задумалась...

— Куда тыбэ едэшь? Чеченка коснулась кольца на моей руке.

— Домой.

— Я тоже домой, далэко?... тыбэ...

— Далеко.

— Куда тыбэ? — настойчиво выспрашивая, заглядывает в лицо. Смотрю в ее грубую, почти мужскую физиономию и не пойму, что-то смущило меня, встревожило... Но что же?

— Одын ты? Оды-ын, — спрашивая и тут же утверждая, чеченка снова коснулась кольца, — се-рыы-ёзыы-на...

— Возраст.

— Се-рыы-ё-ёзыы-на...

Я снова молча отвернулась к окну, предусмотрительно спрятав руки. Наступила тишина

и вокруг тишина... Чеченка, вроде бы, задремала. Прошло довольно много времени когда она вдруг, не открывая глаз, заговорила вполголоса:

— Дай адрест, красывий. Я тыбэ шупка дэтцки пасылат буду. Тыбэ продаст... Тыбэ дэнги будэт и минэ давай... Я тыбэ вэрү... Давай? А? Давай, красывий?

— Я торговать не умею, — не оборачиваюсь я.

— Чё мо-о-жэшь? — с нарочитой игривостью снова заглядывает в лицо, вытягиваясь над столиком, роняя забытые кем-то журналы.

Поезд явно сбавляет ход — зашипел. Чеченка сорвалась с места. Поспешно выбрасывая тюки в тамбур, кричит:

— Одынокый ты! Давай мужик тыбэ дам! Хороший мужик! Хочэш?! Хо-чэшь мужик! Вэс жыс бэрэмэнна ходыт будэшь, — как твой Россыя!

Поезд, как бы встряхнув вагоны, остановился. Никого не выпуская в тамбур, прижав и проводницу тюками так, что та едва высунула руку с сигнальными флагами, шустро выбрасывая товар на перрон, орет:

— Твой Родына брухо таскат наша луды будэт — вса жыз! Болы будэт! Кровы будэт — роды нэту! По-о-нал ты??!

— А ну-ка, ты! Ишь-ты! Всю Россию разом уделала... твою мать! В России живешь, на Россею плюешь! Иди вона за хребет-границу, там тебе живо паанджу на морду накинут, тявкать перестанешь! Это тебе в России лаять вольготно! — орал басом дед-пассажир, с силой отцепляя руку чеченки от поручня. Вытолкнутая пассажирами, она сорвалась вниз на тюки.

Свежий воздух, внесенный новыми пассажирами, мягкий ход поезда — успокаивал, однако же, я сильно расстроилась. Прилегла, отвернувшись к перегородке: «Охамила ни за что, ни про что. И надо же быть такими грубыми... За что их Господь наказал таким характером, что ли? Неуживчивые... еще и «адрест» просит, торговку

нашла»... Гоню мысли, а они что-то настойчиво — назойливо выискивают в памяти моей: «Да знаешь ты ее, знаешь! «Адресст» — кто так говорил?... «адрест...» Ой-ёй, он! Точно — он! Значит... братец ее жив. Это ж она для него старалась..., выпытывала-выпытывала... это ж сестра его!»

И, вспомнилось... В поселении спецпереселенцев, затерявшемся в ковыльных степях Казахстана, где пришлось мне хватить лиха, отрабатывая диплом по распределению, она молодая, краснощекая, плескалась в жаркий день с чеченушками около водокачки и кричала мне, подошедшей с бидончиком: «Кра-сывий, куда тыбэ бежат будэт?! Моя брат турма отсыдит, за тыбе придет! Чё дэлит будэшь?! Куда тыбэ...» Недорого, видать, обошлись ему издевательства... Небось, успел насоздавать себе подобных. Как же это давно было..., а раны души все саднят... Теперь уж давно ушли в Мир иной родители убитого, в спину ножом парня, приехавшего по зову Родины поднимать целину, так и не успевшего создать семьи. «Я помню, помню тебя, спасшего меня — ценой жизни от чеченской расправы за упорное мое несогласие — сожительствовать. А, знаешь, парень? Еще до ареста за твою чистую душу, чеченцы успели напакостить мне, перехватывая письма от родных и любимого из армии, сообщали им о моем, якобы замужестве и я потеряла любимого. Я не подарила ему детей, о которых мы с такой нежностью, с такой любовью мечтали вместе, стесняясь и сгорая от чистоты своих помыслов... Где ты теперь, Ваня-Вахонечка?»

Поздний час придавливал чутким тревожным сном, укачивая в непрочных сплетениях памяти... я чувствую, я понимаю, в окно заглядывает слабый рассвет, а я зову Ивана: «Посвети мне, я не найду дорогу. — Он высвечивает лунным сиянием Белкину гору. Я тяжело, упорно несу к ее вершине холодный крест, источающий слезы... с высоты Белкиной горы, там, глубоко внизу, я вижу в лунном свете тонут просторы Земли моей, где тихо спит мое детство, моя

юность — согретая теплом любимых глаз...» Ваня, укажи мне, где мой крест поставить? Осторожно, Ваня, крест хрустальный, не урони-и... смотри как светится; под ним я и успокоюсь... Ты только прости меня — за память вечную... Ты всю жизнь светишь мне издалека, как и теперь; светишь, а не греешь, любишь, а не приголубишь... я это чувствую, чувствую, чувствую» — зашипели колеса вагонные, безжалостно оборвав сон. Занемевшая рука похолодела... Скоро ли Москва? Я почему-то снова заплакала, молча, горестно.

— Ты толка ни расстраивай, — вдруг зашептала мне на ухо женщина, наклонившаяся в полумраке, теплая ее ладонь мягко легла на плечо.

— Он та-койду-у-ра! Нас много ест такой дура...

— Кто дура?! — не поняла я, мгновенно перевернувшись с боку на бок, испуганно сбрасывая, замотавшуюся на ногах простынь, села. Чеченка пристроилась рядом, подвернув угол сползающей с лавки постели.

— Ты лица этой малчик не видал? — кивком указала на верхнюю боковую полку, — он головы суды клонила?

— Нет... не видела. Да он, по-моему, как лежал днем, так и сейчас лежит.

— Хо-ро-шо-о эта... мужики толка шел здэс, ни останавливали? Ево боку ни толкалыш?

— Не видела... Да не переворачивался он! Журналы-то под его головой, как лежали, так и лежат...

— Он читат по-русски не можэт. Я специално положил как русски грамотны... я дремал, тамы чут-чут, шепчет, волнуясь, чеченка, — эта малчик — сина моя...

— Вас кто-то обидеть хочет?

Дерзко хлопнули тамбурной дверью. Бесцеремонно заглядывая через каждую купейную перегородку, молча, спешно продвигалось несколько молодых людей, вовсе не смущаясь тишины

предрассветного часа. Женщина, еще не видя их, мгновенно сбросила туфли, заскочила на постель и, съежившись, поджав ноги, прижалась ко мне — по-родственному уткнувшись в грудь. Я укрыла ее своей вязаной кофтой в тот самый момент, когда толпа проходила мимо, нагло зыркнув на нас. Прогромыхала дверь, стихло. Не меняя позы, чеченка зашептала, ее бил нервный озноб.

— Спасыбо тыбе... Спасибо

— Ложитесь здесь, вздремните, я рядом на краешке посижу.

За окном уже почти светло. Чеченка молча улеглась, однако спать не стала — не до сна. Оперлась на тощую подушку локотком, другой рукой обвила мою шею не заботясь насколько мне это удобно, прижалась к уху щекотно касаясь лица выбившейся из-под цветного платка прядью.

— Ми вечери из своя посёлка бежали... Утра раны ешо скотына на травка пустыли; корови, бичок большая, овечки дэвять штуки, ку-ура много... Дворы доми авчары — вэс открыли, как ми дома... Потомы вечери, мешок за спина и айда с синами, как скотинка искат на разные стороны, разны дорога и тыхо станции приходыла... Сына билэт два дэн поранше купили.

— Зачем бежали-то? Скотина теперь кому?

— Пуст ево жениха брали! У ево другы ест, многи-многи ест — висэ горы... Головорэзы вэс... Покой нэту!

Чеченка на мгновенье насторожилась, — продолжила;

— А-а-а... Дочи минэ ест, хороши... Папа ево согласы дали на замуж: он маленки ешо били... Он замуж ни захотэли, институты хотэли. Папа везли дочи далэко-о дами не вернули самы — дорога убили ... Два год уже... Ми с сина остались — две...

— Ужас! — прошипела я, — ужас...

— Ми дочи едым. Своя доми ни идти болиэ.

— Не вернётесь домой?

— Нэт!... Росыя жыт будэм. Росыя надожни нам ...

— Дочь в Москве?

— Нэт — нэт, далшэ. Жениха хи-итры, за нами бэжит, думат дорога дочь ми покажет... О-о-о, тогда расправи всэхи нас...

— Дочь письма пишет?

— Нэт. Толка записка бил — с надожни луды.

Сильное волнение не давало женщине произносить правильно слова, однако, она совсем даже не плохо объяснялась по-русски.

На боковой полке заворочался паренек, шумно уронив журнал на пол. Уткнувшись лицом в подушку, замер на мгновение; чуть-чуть приподняв голову, в полголоса рыкнул на мать. Чеченка сдернула руку с моей шеи, от чего мне стало ой-как!

— хорошо, зажала рот ладонью, страшно выпучив и без того огромные карие глаза. Мы замолчали; она легла, закрыв голову полотенцем, я придвигнулась как можно ближе к окну, пересев на свободную противоположную полку. А за окном метался разбитый поездом утренник — туман. Разрываясь в клочья, он обнажал поля, перелески, постройки, казалось, порой подбегавшие к самому железнодорожному полотну, полустанки с добрыми людьми, приветливо махавшие «скорому» во след, а он, весело перестукивая на стыках, как бы отсчитывая пройденный путь.

Людская вагонная жизнь закипает по мере приближения к Москве. Вот... Вот уже в густую сеть поблескивающих на солнце линий; видны платформы... Горячий поток воздуха, влетая в тамбур, треплет кудряшки державшей на весу сигнальные флагги, скрученные в пару с зелёным полотном поверх. Выход пассажиров в тамбур пока под запретом. Мне, собственно, спешить некуда, я возвращаюсь в купе. На столике, на развернутом журнале, что падал с верхней полки — початки молодой вареной кукурузы, а знакомых моих уже нет. Из соседнего вагона в хлопающие двери влетают

крики. Пассажиры, скопившиеся в проходе, буквально прилипли к окнам; меж ними просовызываюсь и я, — что-то случилось... Ужас! Поперек путей, отчаянно перемахивая через рельсы, бежит, сильно припадая на ноги, знакомая чеченка с сыном.

— Как же их угораздило выскочить?! Поезд —то медленно, но еще идет!

— Во-о... Блюстители порядка кстати...

— Где?

— Во-он, вон бегут!

— Щас за-ло-вят, не пере-жива-айте...

— Значит, нужда была — до вокзала сгнануть. Ни у кого ничего не пропало?! Ценности какие-нибудь...

Но к удивлению всех, выпрыгнувшие бежали не от милиции, а навстречу ей. Едва добежав до первого милиционера, чеченка с ходу повисла на нем, отбросив полупустой мешок; цепляясь за мундир, медленно опустилась на колени. Сын, подобрав мешок, шел среди надежной охраны — в ногу, широко жестикулируя свободной рукой.

— Что-то не похоже, что забрали ...

— Ага-а... Смотрите-ка! Друзья встретились

Чеченку вели под руки, всё-таки что-то с ногами, небось, вгорячах-то и не почувствовала.

— То-о-же мне, милиция...

— А ты что ждал, что с ходу наручники накинут? Кровожадный...

— Да-ну! Проходите же! — нервничала пассажирка с грузными чемоданами и и огромной авоськой.

— Чё толкаешься!?! Прыгай! — как вон те!
Милиция поможет сумари донести.

И только я одна — отчетливо, понимала происходящее, всей душой желая беженцам — удачи...

...Беззвездное беспредельно-огромное темное небо осело на Тюмень и ее окрестности. И только над ярко освещенными железнодорожными

пристанционными путями, где устало вздыхают, изредка перекликаясь, одинокие локомотивы, отменно высветленное небо как бы зацепилось за высоченную громадину вокзала. Тюмень... Я уже почти дома... Что тут до шестидесятой параллели — рукой подать! Я забуду

неуемный Кавказ, как тяжелый сон... И на Юга мне теперь навряд ли захочется...

Здравствуй, Сибирь моя! Скоро, совсем скоро заискрятся снега твои, покрывая просторы; тайга накинет шубки с рваной бахромой, дохнут холода, загуляют метели, пересеивая сугробы. А в городе моем есть заботливый, крепкий хозяин, и потому в доме моем будет тепло и уютно. Скорей, скорей домой — в желанный Мир, в бесскандальный работающий уголок России.

« Да-домой, да-домой» — выстукивает тяжеловесно Мой северный поезд,

«Пра-а-виль-но да-домой..., пра-виль-но — да-домой» — покачиваясь в такт вагону, молча поддакиваю я ...

Сергей Мельников

Река

После обеда зашёл шурин, сказал Ивану, что договорился насчёт подводы, и вечером можно ехать за сеном. Мать ещё продолжала держать корову, Иван приехал в отпуск с семьёй, как мог, помогал матери по хозяйству. Он прожил долго в северном далёком городе, дачи там не зaimел и отвык от работы на земле.

Около шести вечера Владимир подъехал на телеге к дому, запряжённой парой гнедых лошадей. В станице лошади были нарасхват: кому дров привезти, кому сена, а весной некоторые огороды только лошадьми и можно вспахать, не в каждый двор трактор можно загнать. Они стояли, меланхолично смотря на окружающий мир большими карими глазами, размышая, какая же сейчас работа им выпадет — лёгкая или тяжёлая, лишь изредка тряся мордой, отгоняя мух и слепней.

Владимир правил, шевеля поводьями, Иван лежал в телеге на старом рваном одеяле.

За станицей, недалеко, показался перекат.

Ивану всегда нравились реки: они похожи на людей. Одни бурные, стремительные, другие плавные, светлые, как серебро, то тёмные, мрачные, мелкие и полноводные. И, как человеческой душе, стоит реке остановить своё движение, заносит её илом, песком и тиной и поселяется в ней всякая нечисть.

Местная река имела характер капризный: летом в некоторых местах полностью пересыхала, кое-где в мелких лужах беспокойно метались головастики и мелкие рыбёшки, в более глубоких ямах с удовольствием в жару плескались взрослые и дети.

Зато, когда в горах таял редко выпадавший в южных краях снег, река становилась похожей на буйного пьяницу, хватившего лишку. Крушит она всё на своём пути, помутневшая, вспенённая, врывается в огороды и хаты непрошеным гостем, уносит с собой стога сена, может прихватить поленицу дров, зазевавшихся, оплоумевших от страха кур. Кто успеет, спрячет от беды мелкий скот у соседей, живущих на пригорке, или затащит их на чердак, а не успел — вот и лишился хозяин кроликов или козлят. Только гуси да утки, которым природой дано умение плавать, весело хлопают крыльями, вовсю резвятся, радуясь большой воде.

После переката сразу начинался лес. Ехали, то поднимаясь в гору, то спускаясь по разбитой грунтовой с большими лужами дороге. Переговаривались редко, Иван предпочитал любоваться деревьями и солнечными бликами в ветвях, слепящими прищуренные глаза радужными переливами.

Южный лес совершенно не похож на своего северного собрата. Здесь на плодородной земле, согретой солнцем, деревья вырастали исполинами, с великолепной кроной. Таким был растищий на пригорке степенный старый дуб с коричневой морщинистой корой: в окружении молодых дубков тихим шелестом листвы рассказывает, что он видел за свою долгую жизнь, раскрывает им секреты лесного бытия.

Стойные, вечно юные ясени, похожие на сказочных принцев, с тревогой и любопытством смотрели на тех, кто вторгся в их владения, не зная чего от них ожидать — добра или зла.

На небольшой поляне стояла огромная одинокая госпожа-белолиственница, почти без ветвей, только на самой вершине, где ствол рассечён чёрным шрамом от молнии, немного листвы.

В глубине лесного сумрака переливисто щебетала невидимая птаха, изредка выступившая барабанную дробь трудяга-дятел. Сороки и сойки

скакали с ветки на ветку, вдоль дороги, оповещая округу о появлении чужаков.

Попадались полянки, покрытые маленькими солнышками ромашек, васильки скромно смотрели на белый свет своими голубыми глазами. Некоторые одуванчики уже отцвели, превратились в невесомые белые шарики, готовые разлететься в неведомые дали. Затронет кто-нибудь его или качнёт ветер стебелёк — и взметнется лёгкое серебристое облачко семян, разлетится вокруг, давая жизнь новым растениям.

Девясила небольшими семейками расположился на самых солнечных местах. От него исходит аромат эфира, которым богато это растение. Рядом с ним приютился вымахавший выше человеческого роста лопух-борщевик. Он тоже имеет свой неповторимый дурманящий запах; беда тому, кто не знает его коварства. Возьмёт незнающий человек его лист, покрытый жёсткими ворсинками, в руки, и вскоре появятся болезненные волдыри, как от ожога. Местные жители знают эту его особенность и обходят борщевик стороной.

Над медуницами, привлечённые мятным духом, постоянно кружат пчёлы, шмели спешат собрать сладкий нектар.

Кое-где встречаются небольшие островки земляники. Та ягода, что зреет с солнечной стороны, уже налилась спелым цветом, другие же, которым не так повезло, ещё долго останутся зелёными.

Хороша лесная ежевика! Только рвать её, лесную красавицу, поблескивающую на солнце чёрным цветом, разделённую на дольки ягоду нужно осторожно. Защищены её кусты шипами, одно неловкое движение — и впопыхах в руку зелёные крючочки.

Вокруг них в почётном карауле, как вокруг царицы, застыли их колючие братцы — заросли чертополоха с сиреневым венчиком.

Вдоль дороги, наклонившись к земле, покрытые пылью, уже отцветшие похожие сверху на

ощупь на тёплые мамины ладошки листья мать-и-мачехи. Над ними нависали кусты бузины с ещё зелёными ягодами.

Через час приехали на большую поляну со скосенной травой. Было немного душно, парило от земли. Ивану захотелось снять обувь, пройтись по тёплому ковру разнотравья, ощутить между пальцами ног колючие сухие былинки. Он прикрыл глаза, глубоко вдохнул. Но расслабляться было некогда, они взяли грабли, стали сгребать сено с краёв поляны к центру. У Владимира получалось быстро и ловко. Небольшого роста, широкоплечий, крепкий, как молодой огурчик, щуря голубые глаза, глядел, как это делает Иван.

Иван злился на своё неумение, потом уловил определённый ритм в работе, стало легче.

Когда закончили грузить сено, начало смеркаться. На юге ночь наступает быстро, не успеешь оглянуться, как уже стемнеет.

Обратно лошади шли сами, без понуканий, желая быстрей оказаться в конюшне, отведать свежего, вкусного овса.

Иван удобно улёгся на мягкому сене. Телега вздрогивала на неровностях дороги, но он не ощущал этих толчков, сено гасило их.

Первые звёзды появились на вечернем небе, всё ярче и ярче разгораясь, и вот уже Млечный путь разлился по небу во всей красе. Негромкий скрип телеги, лёгкое покачивание, ароматный запах сена, звёзды — всё это зачаровало Ивана. Казалось, что он утратил тело, растворился в звёздной невесомости. Он плыл среди созвездий, они заглядывали ему в глаза, что-то говорили тихо и таинственно.

Въехали в станицу, люди ещё не спали. Кто-то, закончив свои дела, смотрел телевизор, это было видно по переливающимся бликам в окнах некоторых хат. Другие спешили управиться с хозяйством, слышался звон вёдер хозяек, спешивших на дойку, мычание коров. Собаки гремели цепями, лаяли на прохожих, сторожа хозяйское добро. Дружно

гоготали гуси, петухи соревновались друг с другом в голосистости.

Разгрузились быстро, Иван подавал сено, шурин укладывал на сеновал.

— Может, зайдёшь, у меня водка в холодильнике стоит, — предложил Иван.

— Некогда мне, ещё лошадей распрягать, по хозяйству управляться надо, — Владимир покачал головой. — Завтра посидим.

— Тогда, до завтра.

Иван накачал воды из колонки, налил в умывальник, снял рубашку, повязал вокруг пояса полотенце. Ему было приятно плескать холодную воду на лицо, плечи, грудь — она освежала, бодрила, снимала усталость.

Умывшись, почувствовал, что немного проголодался.

Жена его, Лидия, небольшого роста, полноватая, с редкими крашенными в рыжий цвет волосами, немного красным лицом, стала разливать по тарелкам борщ. Сваренный из свежих продуктов, с зеленью, с чесноком, порезанной соломкой капустой, плавающей в красно-золотистом бульоне, он вызвал такой приступ аппетита, что заломило под челюстью.

— В морозилке водка охлаждается. А для тебя, жена, я вина купил. Будешь?

— Неси, заодно рюмки захвати.

Когда вернулся обратно, неся в одной руке бутылки с вином и водкой, в другой рюмки и штопор, стол был уже накрыт.

Повернул водочную крышку, она слегка щёлкнула, налил матери и себе в небольшие рюмки. Штопором вытащил пробку из винной бутылки, жена подставила бокал.

Из тарелки с маринованными помидорами выбрал самый привлекательный, из материнских запасов, подцепил его вилкой.

— Давайте выпьем за то, чтобы сена хватило.

Холодная чистая жидкость обожгла рот, тугим комком покатилась по горлу, вызывая лёгкие спазмы. Торопливо закусил, ощущая нёбом уксуснокислую мякоть помидора.

— Хороши у вас, мама, соленья, мне всегда нравились.

Снова разлил водку в стопки, выпили с матерью, у жены вино ещё оставалось в бокале.

— Тебе долить, — он обратился к жене.

— Нет.

Мать пошла в хату. Жена положила грязные тарелки в таз, налила горячей воды из бака на печке, стала их мыть.

" Так, ещё одну, и хватит ", — подумал Иван.

Голова немного закружилась, но это было приятное ощущение.

Подошёл к жене, обнял сзади, поцеловал в щёку возле уха. Она прижалась спиной к нему, продолжая заниматься посудой.

— Долго ещё трудиться будешь без благ цивилизации?

— Немного осталось.

— Пойдём, погуляем. Уже неделю здесь, никуда не ходили вместе, всё некогда.

— Хорошо.

Через некоторое время Лидия закончила свои дела.

Иван взял её за ладошку, так, как они ходили в молодости, прошли через огород, мимо кустов крыжовника с уже созревшими прозрачными ягодами. Нечаянно голенюю коснулся колючего листа стелившейся по земле огуречной плети, как током, от ноги по всему телу прошла неприятная дрожь. В конце огорода была калитка, сбитая из жердей, с проволочным кольцом вместо запора. Сразу за изгородью был небольшой лужок клевера. Они шли, осторожно раздвигая ногами невысокие стебельки с бледно-красными шаровидными соцветьями. Возмущённые бесцеремонным вторжением, во все стороны разлетались полусонные кузнечики.

Иван знал, куда идти. На высоком берегу, между двух старых верб, лежало бревно.

В этом месте часто собирались желающие отдохнуть, оно было красивое и удобное. Река плавно текла среди мягких, глинистых берегов. Она здесь была не широка, метров шесть, на другом, более низком берегу, начинался лес. Чуть выше, километров в десяти, её течение было другим, горным потоком она неслась со скалистых гор, пенясь и шумя, разбиваясь на множество разноцветных струй о серые валуны.

От воды несло сыростью, смешанной с тёплой прелостью прибрежной травы, и сладостным, тонким благоуханием ночных цветов.

Сели на бревно, прижались друг к другу, молча смотрели на почти неподвижную поверхность. Изредка рыбы выныривали полакомиться упавшей в воду мошкой, оставляя медленно расходящиеся круги.

— Тебе не холодно, надо было накинуть на плечи чего-нибудь.

— Нет, ночь тёплая.

— Ирина куда пошла?

— К подружке, потом на дискотеку.

— Ох, смотри, мать, уведут станичные парубки городскую девку.

— Не думаю, — улыбнулась Лидия, — дочка у нас с головой. Так и говорит: сначала образование получу, на ноги встать немного надо, потом можно и замуж.

— Слишком практичная она у нас. А вдруг влюбится в хорошего парня?

— Спрашивала её об этом. Отвечает: если парень хороший и любит, то поймёт и подождёт.

— Мы-то с тобой не ждали. Поженились, работали, по общагам мыкались. Это сейчас живём более-менее, правда, и не шикуем.

— Это ты считаешь, что не шикуешь, вот некоторые считают тебя богачом.

— Ты про сестру мою младшую говоришь? Не принимай это всерьёз, — Иван поднял с земли камень, бросил в реку. Он глухо булькнул, подняв над поверхностью небольшой фонтанчик. — Кто захочет, тот и здесь имеет всё, что хочет. Вовку хотя бы возьми, без дела не сидит. Дом какой отгрохал, всю обстановку купил, и на Север не ездил, и не бизнесмен. Всё по стройкам мотался..., то корову вырастит, продаст на мясо, так копеечка к копеечке, скопил на дом.

— Богатые, — передразнил свою сестру Иван, — трудиться надо, а не ждать, когда деньги сами с неба свалиются. У нас так же некоторые мало получают, так на двух работах работают. И другим помогать нужно, не только под себя всё грести.

— Ты вон, сколько Ларионовым помогал, тебя они и охаяли.

— Да ладно, — Иван махнул рукой. — Бог им судья, не все же такие. Что же теперь во всех разочароваться? Я не за благодарность, не за деньги это делал, видел их трудности. Впрочем, сами виноваты, пить меньше надо. Детей их только жалко.

Замолкли, вспоминая, какие трудности пришлось пережить, как работали в сильные морозы, как долго не могли устроить дочку в садик, пустые прилавки в магазинах, неустроенность.

— Красиво тут, — Иван потянулся до хруста в спине, — прямо в раю живут.

— Да, у нас не так, — согласилась Лидия.

— Мы уходили, Серёжка не спал?

— Телевизор смотрел, скучно ему тут, мечтает о ноутбуке.

— Ага, разбежался, сейчас всё брошу и побегу покупать. И так от компьютера не оторвёшь. Всё, приедем домой, отправлю его куда-нибудь в спортивную секцию, а то хиляк какой-то растёт.

Мысли их в эту минуту были об одном и том же. Каждый любящий родитель всегда мечтает о благополучии своих детей: чтобы они росли здоровыми и счастливыми, чтобы их не коснулась никакая беда, чтобы они добились успеха в жизни. Отец и мать по мере сил и возможностей будут помогать, всегда примут в своём доме, поддержат в трудную минуту, обогреют, будут нянчиться с внуками. И в эту тёплую, звёздную ночь верилось, что всё будет хорошо.

Содержание

Предисловие.....	3
Стихи	
Виктор Козлов	
Шаги	14
Дмитрий Сергеев	
Белая ночь.....	15
Жилище.....	16
«По равнине белой тянутся...».....	17
Николай Шамсутдинов	
Баллада о сургутских полках.....	18
Никон Сочихин	
«Дни все короче и мглистей...».....	20
Песня о глухаре.....	21
Здравствуй, Сургут!.....	22
Рабочее имя.....	23
Игорь Кириллов (Северский)	
«Вдруг меня поманили березы в снегу...».....	24
Александр Павлов	
«Наверно, только тишина...».....	25
Июнь.....	26
Леонид Сидоров	
Звезды.....	27
«На все живое месяц май...».....	28
Олег Рихтер	
В зимнем лесу.....	29
Юрий Гончан	
О БТР-ах и офицерах.....	30
Любовь Коробкина	
Вальс возвращенья.....	31
«Мне б художником родиться...».....	32
Александра Лазарева	
Слово доброе.....	33
Ошиблась кукушка.....	34
Первая любовь.....	35
Геннадий Моисеев	
Снежная шапка.....	36
Людмила Фомина-Яблуновская	
8-е марта.....	37

Родион Девин	
«Танцевала метель по забытой дороге...».....	38
Аркадий Летов	
«Берестяное бабье лето...».....	39
Виктор Кононов	
Буря.....	40
Зиме.....	41
Владимир Черепанов	
«Шум волны повсюду слышен...».....	42
Леонид Гайкович	
«Давно уже закончилась война...».....	43
«Мой Сургут застыл на обских склонах...».....	44
Алексей Горский	
Философское.....	45
Светлана Тюrmорезова	
Родина.....	46
Валерий Загваздин	
Лунный вечер.....	47
Алексей Костюченко	
«Земля упрятала в туманы...».....	48
«Громадой сказочною туча...».....	49
Нина Календарева	
«Сургут. Начало октября...».....	50
Нина Галочкина	
Утренний Сургут.....	51
Предпраздничный Сургут.....	52
Георгий Ешимов	
Сургут.....	53
Русь.....	54
«От Сургута до Ханты-Мансийска...».....	55
Запахи детства.....	56
Купальские венки.....	57
Олег Никулин	
Брусника.....	58
Язь и нельма.....	59
Людмила Премудрых	
Новогодний розыгрыш.....	60
Поганки.....	61
Хозяюшка.....	62

Михаил Антохин	
Чаша.....	63
Встреча.....	64
Александр Козловский	
«За околицей, за околицей...».....	65
Ночь.....	66
Валентина Артемчук	
Счастье.....	67
Тайна сердца.....	68
Без тебя.....	69
Александр Любякин	
Осень.....	70
Евгений Максимов	
Черное море.....	71

Проза

Тамара Котова	
Север, который в сердце.....	73
Дмитрий Сергеев	
Чужие игры.....	79
Сергей Сметанин	
Зайчонок-ниндзя.....	82
Олег Рихтер	
Завистливый мужик.....	89
Александр Козловский	
Семинар.....	92
Зинаида Богданова	
Поезда дальнего следования.....	107
Сергей Мельников	
Река.....	116

**Сургутское городское литературное объединение
«Северный огонёк»
«ДИВНЫЙ СВЕТ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ»**

Редактор-составитель — С.Е. Сметанин

Корректор А.С. Егоров